

КРОКОДИЛ

5

1979

— А это зачем? И так ясно, что где хранится.

Рисунок Е. ГУРОВА

НА ПОНЯТНОМ
ЯЗЫКЕ

Первые полки чапаевской дивизии формировались главным образом из жителей поволжских деревень. Все народности, населяющие берега Волги-матушки, были здесь: и русские, и чувашы, и марийцы, и татары...

Спрашивали Чапаева:

— Как это только ты, Василий Иванович, управляешься с ними? Ведь у каждого — свой язык. Попробуй, разберись!

— Как же мне земляков не понять! Вместе при царе горе мыкали, вместе и счастливую жизнь ныне налаживаем. У нас общий язык. Человек еще и слова не сказал, только рот раскрыл, а я уже догадываюсь, чего он сказать намерен. А как же иначе! Одного рода-племени.

— Вы-то их понимаете. А они вас?

— И они меня. Я же им не какой-нибудь высокопоставленный угнетатель царь Николашка, а свой единокровный брат-бедняк, в один ряд с ними поставлен самой революцией.

Соберутся вечером чапаевцы у костра на привале — и Василий Иванович с ними. Запоют русскую «На дилом бреге Иртыша» — и он подпевает. Перейдут затем на бойкие мордовские колядки — и он поет вместе со всеми. А уж когда чувашскую песню затянут, то тут Чапаев никак смолчать не может: сам вырос в чувашской деревне, хорошо запомнил эти песни.

Легко, свободно чувствовал себя Василий Иванович среди людей самых разных национальностей. И они относились к нему по-братски, видели в нем своего надежного заступника, мудрого предводителя красноармейских полков.

Но вот заглянул он как-то в казарму, где собрались иностранные добровольцы, бывшие военнопленные. Были здесь и чехи, и сербы, и венгры, и поляки, и немцы, и румыны, и словаки, и корейцы, решившие служить в революционной Красной Армии.

Послушал Чапаев, о чем они говорят, и ничего не понял.

Попробовал было вместе с ними песню спеть и не смог. Незнакомая была песня. Не заладилась.

Огорчился Чапаев и отошел в сторонку. Сказал переводчику:

— Свои, волжские, языки я, кажись, все освоил. А вот иностранные... Тут у меня осечка. О чем толкуют, понятия не имею. А знать хочется. Как-никак, а я их командир, и настроение бойцов, пусть даже и из чужой страны, мне небезразлично.

— Чего ж вы, Василий Иванович, сразу мне не сказали. Я бы перевел. Они очень хорошо говорили — о вас как командире и о мировой революции, за которую идут в бой.

— О мировой революции, гово-

Любопытные истории,
рассказанные теми,
кто делал историю

«Я Чапай, я шутить не люблю!» — любил повторять легендарный надив Красной Армии.

Чапаевцы, отважные и смекалистые, не знали поражения. Они побеждали даже тогда, когда вражеские силы были в семь раз сильнее.

— Одному хорошо против семерых воевать, — говорил бойцам Чапаев. — А вот семерым против одного — трудненько. Семерым нужно семь бугров для стрельбы, а тебе один. Один бугорок везде найдешь, а вот семь бугорков найти непросто. Ты один-то лежи да постреливай. Одного убьешь — шесть останется, двух убьешь — пять останется... А когда шестерых убьешь, то один уж должен сам напугать тебя... Ты заставь его руки вверх поднять и бери в плен. А взял в плен, веди в штаб. Трусят только зайцы перед собакой, а боец Красной Армии ни перед кем робеть не должен!

Так говорил Чапаев. Говорил не ради красного словца, а ради большого боевого дела. Свою «науку побеждать» он внушал красноармейцам с улыбкой.

Когда шутил Чапаев, врагу было не до шуток.

Чапаевская веселость радовала друзей и внушала страх врагу. Она работала на победу.

ришь? — оживился Чапаев. — Это хорошо! Что ж они, иностранцы, о революции сказывали?

Переводчик стал показывать то на одного, то на другого солдата:

— Вон тот, что в синей шинели, чех. Зовут его Зденек. Он говорил, что вырос в деревне, ему близко и понятно все то, за что воюют вместе с рабочими русские крестьяне. И он тоже хочет шагнуть плечом к плечу с нами. А вон тот солдат, Станислав из Варшавы, почему зря клеймил своего прежнего начальника, который из всех сил пытался помешать ему вступить в ряды Красной Армии. Но он не послушался и очень горд тем, что пришел помогать революционной России в трудный час борьбы за правое дело рабочих и крестьян всех стран. Но, пожалуй, горячее всех выступал вон тот венгр по имени Иштван, который у них за комиссара. «Я только что узнал, — сказал он, — что и у меня на родине родилась Советская республика. Я хочу, очень хочу быть сейчас там, в Будапеште, рядом со своими товарищами. Но я отлично понимаю, что до Венгрии мне сейчас не добраться. Дорогу загордили белогвардейцы. Нужно их разгромить. Помогая русской революции, я помогаю революционной Венгрии, воюю против наших общих врагов за мировую революцию!»

— Ах, какой молодец! — Чапаев радостно расправил усы. — Жаль, что я сам всего этого не слышал. Расцеловал бы!

— Как так не слышали? — удивился переводчик. — Он же при вас высказывался.

— При мне — это точно. Да только я ведь без переводчика все одно, как глухонемой... Как завтра в бой их поведу? Отдам один приказ, а

вдруг они его поймут по-другому? Что тогда? Конфуз может получиться. Беда, когда близкие люди друг дружку не понимают.

Он махнул рукой и пошел прочь. А на другой день случился бой под станицей Сломыхинской.

Бок о бок с чапаевцами шли на врага бойцы-интернационалисты — Зденек из Чехии, Станислав из Польши, Иштван из Венгрии и сотни других бойцов.

Все они правильно поняли боевой приказ Чапаева, не дрогнули в сражении.

Когда станица Сломыхинская была освобождена от неприятеля, Василий Иванович особо отметил отвагу и бесстрашие добровольцев-интернационалистов.

— Славно деретесь за мировую революцию! — сказал он. — Смотрел на вас и радовался. Ни в чем не дали промашки. В бою вы такие же орлы, как и мои земляки-волжане. Хвалю! Пора вам свой полк создать — интернациональный, революционный! Заслужили. Теперь я сам убедился: ваш язык понятен революции и без переводчика.

И вскоре был сформирован из добровольцев-иностранцев новый полк под номером 222. И получил он наименование — Интернациональный полк Чапаевской дивизии.

Торжественно оповестив своих читателей об этом важном историческом факте, газета «Революционная армия» тогда писала: «В результате единогласно, при большом общем подъеме присутствующих принята резолюция: все интернациональные войска готовы выступить на защиту мировой революции и рабоче-крестьянской власти и не оставлять Восточный фронт до тех пор, пока враг не будет разбит».

ДАЛИ
ПРИКРЫТЬ

Уральские степи остались позади. Возвращаясь из похода, чапаевцы приближались к городу Николаевску. И тут узнали: белые внезапно ворвались в город и пытаются установить там свою власть.

Бойцам полагался отдых после дальнего похода. Но никто не захотел отдыхать. Какой уж тут отдых, если враг хозяйничает в родном городе, бросает в тюрьмы жен и матерей красновардейцев, измывает над бедняками и их детишками! Чапаевцы рвались в бой.

Силы противника, надо сказать, были неравными. Белые по числу солдат значительно превосходили чапаевцев. И вооружены были лучше. Как с ними справиться?

Чапаев достал карту и стал объяснять, как лучше Николаевск освободить.

— Стукнем врага сразу в лоб и по затылку, с двух сторон на него пойдем. Где у противника самое большое место? А вот где. Взгляните — из села Таволжанка идет прямая дорога на Николаевск. Потеряй он эту дорогу — потеряет и Николаевск, не будет ему хода ни взад, ни вперед. Крышка! Оттого и засели здесь белые всей своей армией. Большое место прикрывают. Тут мы их и щелкнем. Приказываю: полку Ивана Плясункова занять переправу через Большой Иргиз и двинуться в сторону Таволжанки, полку Ивана Кутякова скрытно нагнать через село Гусиха в тыл противника, поддержать атаку плясунковцев с севера. Сожжем их покрепче, тут они и узнают нашу арифметику: один против семерых получится плюс, а семеро против одного — минус. Коли враг такому счету не обучен, так мы обучим!

Плясунковский полк прорвался сквозь огонь и дым к вражеским позициям. Белые оборонялись всеми силами и не заметили, как в тыл им прорвались конники Чапаева и пехотный полк Ивана Кутякова. Да разве из чапаевских «клещей» вырвешься!

Василий Иванович скакал впереди кавалеристов и саблей косил убегающих.

— Бей их и в лоб и по затылку! — воодушевлял он бойцов.

Победой красных полков закончилось это сражение.

— Дорога на Николаевск свободна! — сказал Чапаев, пряча саблю в ножны. — Двинемся к родному городу — кто к детишкам своим, кто к теще на блины. Нас там ждут не дождутся!

От Таволжанки до Николаевска полки добирались ночью. Все небо было закрыто черными тучами. Тем стояла — ни зги не видно. Лишь при вспышке молнии можно было узнать, кто рядом шагает.

Перед самым городом чапаевцы

Эти подозрительные планеты

«КАК МИНИМУМ ДВЕНАДЦАТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ ДОЛОЖИЛИ, ЧТО ОНИ ВИДЕЛИ ЯРКИЙ ГОЛУБОЙ ОБЪЕКТ, В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЧАСОВ ЛЕТАВШИЙ ПРОИЗВОЛЬНЫМ КУРСОМ НАД ВОСТОЧНЫМ ПОВЕРЕЖЬЕМ АВСТРАЛИИ. ЕГО ЦВЕТ МЕДЛЕННО МЕНЯЛСЯ НА КРАСНЫЙ».

Из сообщения агентства Рейтер.

А дальше было вот что. По сигналу боевой тревоги номер один в Австралии и Новой Зеландии в воздух были подняты эскадрильи истребителей-перехватчиков, которые в течение нескольких суток гонялись за подозрительными летающими тарелками.

Как вы сами догадываетесь, охотников за летающей посудой эсобо взволновал ее цвет. Красная тарелка — любимое блюдо западной пропаганды. На нем особенно аппетитно можно подать утку «советской угрозы».

Но не будем смеяться над пилотами и полицейскими. Когда тебе каждый день талдычат о «советской угрозе», то уже одно сообщение о том, что неопознанный летающий объект принял красный цвет, сразу же ассоциируется с красным флагом, и все дежурные службы начинают орать «Красные идут!».

А о «советской угрозе» в Индийском и Тихом океанах галдят не какие-нибудь полицейские чины, а, бери выше, австралийский и новозеландский премьер-министры. Неудивительно, что дисциплинированным военным начинают мерещиться то советские подводные лодки, то советские разведывательные самолеты.

Правда, находятся скучные трезвые умы, которые вносят в воинственный ажиотаж холодную научную ноту и портят весь пропагандистский спектакль. Покуда истребители носились как угорелые в ночном небе, преследуя розовые миражи, директор новозеландской обсерватории в Маунт-Джон мистер Дэвид Мейбин высказался так:

— Не знаю, не знаю, что уж там померещилось этим полицейским. Зато я знаю другое — планета Венера находится сейчас в максимальном блеске. Не она ли попутала наше воображение!

Австралийским и новозеландским перехватчикам миражей стоило бы прислушаться к остужающему мнению астронома. Ведь в самом скором времени ожидается очередное противостояние Марса — планеты, как известно, ярко-красного цвета. Если ринуться на изловление этой подозрительной окрашенной планеты, то перехватчики за одну ночь впустую израсходуют свой годовой лимит керосина. Дорогое удовольствие при нынешнем-то нефтяном кризисе!

Дежурный телетайпист
В. БОЛЬШАКОВ.

устроили привал в степи, в стороне от дороги.

Только они сели отдохнуть, как из темноты донесся скрип колес. Кто бы это мог быть?

Командир роты Иван Бубенец с разведчиком Папоновым пошли выяснить. Глядят — на дороге длинный обоз с солдатами. В хвосте обоза — пушки, а на передней повозке сидят офицеры, с белыми повязками на рукавах. Один из них, тучный, седоусый господин, щелкнул портсигаром, стал угощать папиросами своих товарищей.

Бубенец, недолго думая, поправил на голове трофейную фуражку, одернул гимнастерку и вышел из темноты к повозке. Ловко, по-гвардейски (когда-то, еще до своего участия в штурме Зимнего дворца, подпоручик Иван Бубенец служил в царской гвардии) козырнул тучному господину и, назвавшись капитаном белогвардейской «Народной армии», достал зажигалку из кармана и дал прикурить офицерам.

Он был так любезен с ними, что они сразу приняли его за своего человека.

— С кем имею честь познакомиться? — спросил Бубенец.

— Я есть полковник иностранный легион, — ответил седоусый на ломаном русском языке. — Мой полк имеет приказ спасти Николаевск от Чапая.

— О! Большое, большое вам спасибо, господин полковник! — воскликнул Бубенец. — А то мы думали, что вы задерживаетесь в пути и не придете вовремя. Теперь с вашей помощью мы непременно разобьем злодея Чапая! Разрешите, господин полковник, я направлю адъютанта в часть — она тут поблизости расположилась, чтобы он доложил нашему полковнику о прибытии долгожданных союзников? Представляю, как он обрадуется...

И Бубенец шепнул разведчику Папонову, чтобы тот немедленно мчался к Чапаеву и рассказал о белочехах — надо ударить по обозу, пока он не тронулся с места.

Папонов отдал честь и скрылся в ночи. А Иван Бубенец стал хвастаться перед офицерами своими победами, одержанными якобы над Чапаевым в сражении под Таволжанкой.

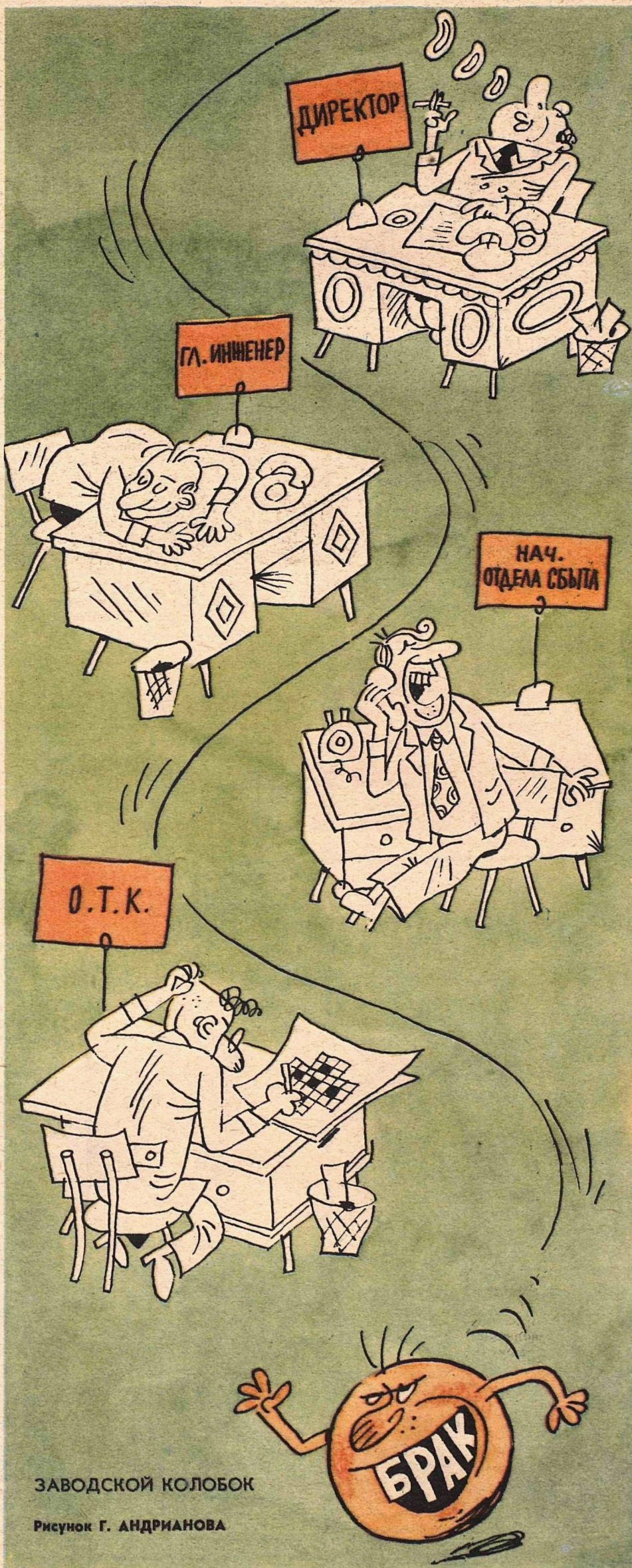
Полковник смотрел на Бубенца с восхищением.

— Я понимаю, вам, господа, надо спешить в Николаевск, — сказал, закончив рассказ, Бубенец. — Не буду вас задерживать. Счастливого пути, господин полковник!

Не прошел Бубенец и ста метров от повозки, как там забухали взрывы и затрещали пулеметы. Весь обоз — с солдатами, пушками и снарядами — оказался в руках чапаевцев.

— Здорово мы, Иван Константинович, дали офицерам прикурить! — весело подмигнул Бубенцу Чапаев. — Будет знать наших!

Утром красные полки вступили в Николаевск. И после этой победы уездный центр, в котором родилась прославленная дивизия, стал именоваться в честь любимого героя чапаевцев городом Пугачевом.

ЗАВОДСКОЙ КОЛОБОК

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Тринадцать прозаиков-юмористов из Кемеровской области объединились под обложкой «ЖИВУТ ЖЕ ЛЮДИ!». «Как же живут люди!» — думает читатель, но тут «Минуту внимания!» просит у него автор предисловия Б. Ласкин, заявляя: «Писать смешно — дело трудное. Плачут люди по сходным причинам, а смеются по разным».

Ну вот, к примеру, вызвал однажды некий начальник подчиненного, чтобы объявить благодарность. Вошел в кабинет хороший работник, а у самого поджилки трясущиеся. Приглашает его начальник присесть, хвалит, а тот за сердце хватается, мечтает, как бы поскорее улизнуть. Кончилось дело для подчиненного таблеткой под язык. Эту историю поведал Б. Антонов в рассказе «Звоните 03».

...Можно ли шахтную вагонетку приспособить под полив огурцов? Или почему в сельпо попал грейдер? На эти вопросы отвечает А. Зайцев в рассказе «Родные».

Словом, рассказы разные, как и авторы.

Признанного мастера сатирического цеха Григория Горина не надо представлять читателям. Сообщим только, что в издательстве «Искусство» вышел его новый сборник «КТО ЕСТЬ КТО», состоящий из рассказов, монологов, пьес.

«Писатель не выбирает жанр. Жанр выбирает писателя. И выбирает того, кто ему годится».

Жанр сатиры и юмора при всей своей разборчивости и привередливости выбрал Горина... — написал Леонид Лиходеев в предисловии к этой книге. Уже ясно, жанр не промахнулся.

У рижского журналиста Леонида Медведовского дебют. Издательство «Лиезма» выпустило его первую книжку «В КОЛЬЦЕ СОБЛАЗНОВ».

Однако автор далеко не новичок. Его юморески регулярно появляются на страницах газет и журналов, а комедия «На огонек» поставлена в пятнадцати театрах страны.

Может, поэтому рассказы, басни и афоризмы, помещенные в сборнике, отличаются точностью мысли и зрелостью пера. Из множества примеров приведем один: «Глядя правде в глаза, не подмигивай». Ведь неплохо сказано, а!

С. ЯНКОВСКАЯ, А. МОРАЛЕВИЧ,
специальные корреспонденты Крокодила

Как хороши, как свежи были розы

Ба!
Знакомые
все лица.

Да, граждане, вот идефикс современного человека: каждый год вынь да положь, но где-нибудь побывать — на курорте ли, либо с шествием на КамАЗе, либо в дикой местности сплыть и остаться живым на плоту. Даже среди всесоюзных бабушек громадные стали подвижки по причине необходимости пестовать широко разбросанных внуков. И все это понятно, вполне извинительно, поощримо.

Только в одном известном нам месте граждане стайно, как, скажем, птицы морская чернеть, снимаются с мест, покидают насиженное гнездо и спешат в чужедальние края по особой причине — «на весну». Это некоторые жители Давид-Городка Брестской области, а также соседних деревень: Хоромск, Лисовичи, Рубель, Ольпень, Ремель, Хорск...

Всех как-нибудь да зовут для краткости, и давид-городчан, покидающих отчую местность на весенне-летние месяцы, всюду кличут городчуками.

— Гей, Дуняша! — в феврале говорит городчук жене, глядя сводку погоды в программе «Время». — Пора и пересекать страну. Вот теле-

визор учит: в краю южном справно подступает весна.

Под странную эту речь Дуняше вызвать бы к мужу хотя бы врача. Но не тревожат Дуняшу эти странные речи, вполне в курсе она и единомышленно говорит:

— Дельно ты высказался, Игнатий Терентьевич. Вот враз и двинем, а то, гляди, обскажут нас...

Здесь важный наступает момент, и городчуха Дуняша, занырнув в темный клун, достает оттуда мешок из суровой ткани. В беженской величии этот мешок маститый городчук трамбует пропасть мешочков маленьких с семенами гвоздики, огурцов, астр махровых, клубни георгина «Иосиф-Магомет» и луковичи гладиолусов «Оскар».

— С богом! — хрилит он, топая по февральской стилой тропе.

Сзади, подпирая руками голову, семенит городчуха. Ее груз не столь тягостен и помещен в ридикюль. Здесь всего лишь провизорская ступочка для истолчения ядов, ею будет отмеряться в продаже семя (в такой ступочке Дюймовочка измельчала перчик для эльфа), и колода лаковых открыток, народного художника-умельца, на которых в зазывной красе изображен огурец и цветы, должны произрасти из семян.

И вслед сезонному первопроходцу Игнатию, шагающему вон из Давид-Городка, несутся стенания момент проворонивших:

— Игнашка, бес, опять обскакал, попер уже навстречу солнцу!

И с торбами, мешками, котомками городчуки Давид-Городка разбегаются по стране «на весну». В темпе работает городчук, и вот только что стоял в семенном ряду базара города Ялты ражий Михаил Трофимович Брезовский с супругой, а через мешок от него — земляк Владимир Николаич Мисюрю, а вот уже нет в рядах наших осеменаторов, уже на рынке Игарки мадам Брезовская делает ридикюлем «Кыш-кыш!» полар-

крокодил помог

«ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ» (№ 33, 1978 год)

Ах, недолго красовалось новое помещение для животных, принадлежащее Ржевскому совхозу-техникуму! Не успела приемочная комиссия отъехать, как крыша у него рухнула. Вместо того, чтобы исправить свой брак, строители стали искать оправдания: дескать, и лес плохой, и снега слишком много навалило... Речь об этом шла в заметке В. Канаева.

Редакция получила ответ от управляющего треста «Калинингражданстрой» тов. В. Шереметкера и от председателя объединенного строительного комитета профсоюза тов. В. Рыжкова, в котором сообщалось, что заметка обсуждалась на объединенном построю-коме профсоюза с участием руководства треста. Критика признана правильной.

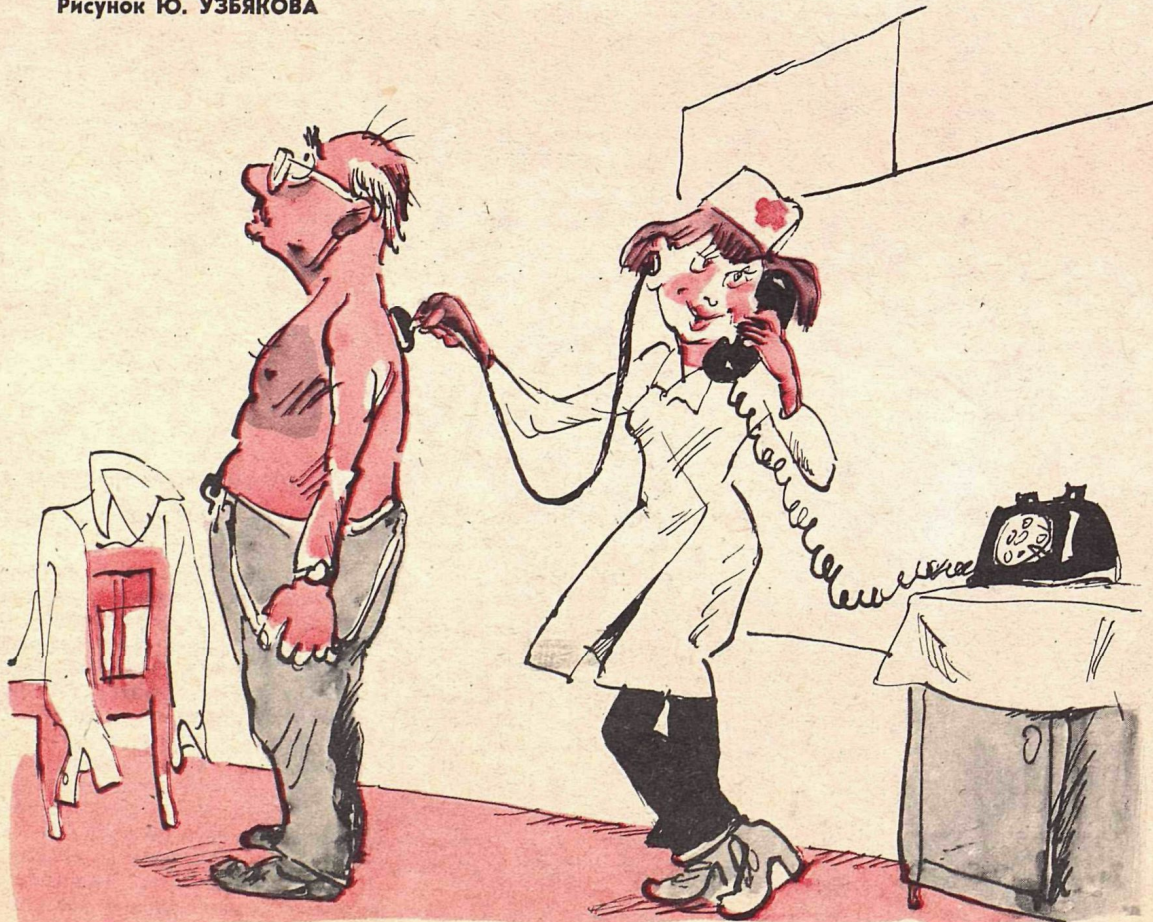
Главному инженеру тов. В. Нуждину, который не принял своевременных мер по устранению недоделок, указано. Начальнику Ржевского СМУ тов. В. Абрамчику за низкое качество строительных работ объявлен строгий выговор. Помещение для животных приведено в порядок.

«ОТ КОРРЕСПОНДЕНТА «КРОКОДИЛА» В УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК»

В заметке под таким названием говорилось о том, что в одной из квартир дома 57/65 по Новослободской улице г. Москвы неисправна канализационная система, из-за чего в Кировском отделении Госбанка, которое расположено под этой квартирой, протекает потолок. А работники жэка № 11 не принимают никаких мер.

На днях мы получили официальные ответы из Главмосжилуправления — за подписью его зам. начальника тов. Г. А. Порывая и из Свердловского райисполкома — за подписью его зам. председателя тов. Р. Р. Дзивиана: виновные получили дисциплинарные взыскания, неисправности устранены.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ным пернатым, пуночкам, раскрывающим клюв на семенной базарный прилавок.

Но закончены торги, отбыли городчуки из Игарки, и игарец, истомившийся от вечной мерзлоты, волшебствует над крошечной клумбой, где и почву создал он на славу, положив перегной. Однако огорчительные результаты краткого вегетативного процесса в Игарке. Из клумбочки вместо трепетного чудавоздочки выпрастывается угрюмый прут неизвестного злака с белорусских болот.

Что сравнимо с горем цветовода? Прямо скажем: ничто. А с горем заповарного цветовода — тем паче. Оттого и активен цветовод в своем горе и пишет он в инстанции: «Быть обманутым на цветах? Это, граждане, нечестная подлость! За это незнамо что надо причинять обдурялам!»

Милиция Давид-Городка, понятно, конфисковывала там-сям и посеяла семена на пробу. Не все, конечно, семена. Возьмись милиция сеять все тонны, ей пришлось бы переродиться в сельскохозяйственный орган. И уже через краткое время, приступивши к делянке, где посеяны были огурчики «нежинская забава», «анютины глазки» и «кастры», покрутили бывальными головами офицеры милиции, на дотошно углубляясь в «кастры» не решился никто: жизнь, поди, не надоела — до того зловещей стеной стояли произросшие вместо астр чертополохи, бурьяны и дудки медвежьи. Тогда дополнительно проявил активность исполком, пройдя сквозь строй добротных городчуковых усадеб. И встретились городчуки — большие честняги. Из шести приусадебных соток не работающий нигде городчук на пяти возделывает бульбу, а на сотке — семена в продажу.

Людей этих, редкостной моральной красоты людей, тут же и собрал бы на телевидении, показать по первой программе: вот, дескать, не оскудели мы исполинскими тружени-

ками аграрного фронта. Потому что городчуки в основной своей массе давно презрели семенное самовыращивание, скупают через подставных лиц семенной товар в государственной сети других городов и республик для перепродажи впоследствии по зверской цене, а эти, поди же, семена на двух грядках растут.

Но не вышло замечательного телесюжета под рубрикой «Вести с задов приусадебных».

И сказала, уверенно планируя бесилие местной власти и в будущем, председатель Столинского райисполкома В. Р. Дорошенко:

— У нас в Столинском районе избыток рабочей силы. Промышленных предприятий в районе нет, нет никакого строительства с 1961 года. Оттого откачиваются люди в спекулянт-городчуки.

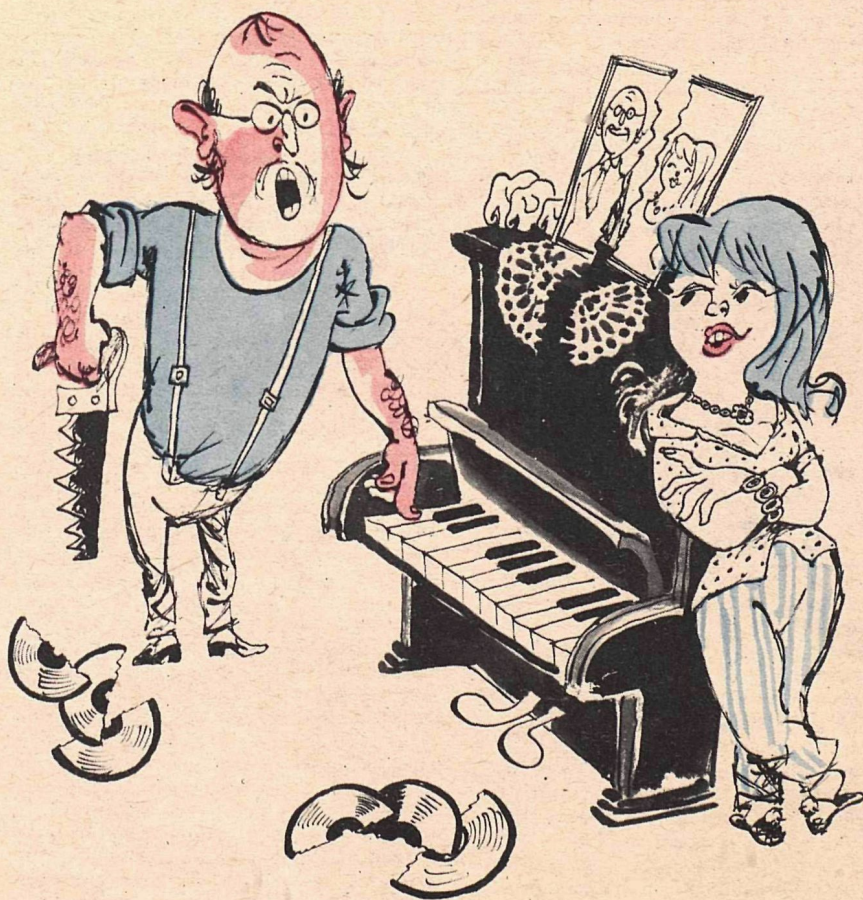
И все так же томится в Брестском облисполкоме мемориальная папка, где суммированы за десять лет акты и протоколы, что для района с населением в сто три тысячи человек, а особенно для молодежи, надо бы придумать полезную занятость. И конкретная высказана папкой уверенность, что в ближайшие несколько лет соберется особенно широкое совещание, графинов на тридцать с водой, какие-нибудь, знаете ли, министерства примут участие, какие-нибудь такие ведомства — и трудоузанятость в Столинском районе наладят.

А теперь своим чередом наступило межсезонье. И в разномлелом тепле родного домища, украшенного коврами и геокартами, стоит городчук, держа флажок на булавке. И жена Дуняша диктует с кушетки:

— Также город Тюмень учти. Мы там аховый семенной товар торговали. Нельзя туда ни ногой, могут физию нащелкать... Планируй Вильнюс, Нарьян-Мар... Васька объяснял, из школы придя: страна-то необъятная, есть куда податься...

Брестская область.

РАЗВОД

— Черные клавиши тебе, белые — мне.

Рисунок
А. ЕЛИСЕЕВА

Я отдала сыну большую часть своих сбережений. Покупала ему дорогие вещи: сначала велосипед «Орленок», потом лыжи «Подмосковные», фотоаппарат «Зоркий», красиво его одевала — да разве все сосчитать? А в ответ ни любви, ни заботы...

А. Ин-ва, г. Жданов.

ПРОЦЕНТЫ С КАПИТАЛА

— Простите, — сказал я, встретившись с автором письма, — а вы учили сына заботиться о близких?

— Еще бы! — возмутилась женщина. — Вы бы посмотрели на его библиотеку. Вот, — и она сдула пыль с толстого фолианта, — роман в письмах, семьсот шестьдесят три страницы, я выстояла за ним огромную очередь, а сын за семь лет — ни строчки матери!

— А сами-то вы, когда разговаривали с сыном в последний раз? — полубопытствовал я.

— Сейчас, сейчас... Помнится, он еще двойку по русскому получил, мы тогда долго беседовали. Да поймите, всю жизнь я на двух работах работала, чтобы мы жили, как люди. Вот его комната: шифоньер полированный — сто тридцать рублей, стол письменный — тридцать три рубля девяносто семь копеек, кровать детская — четырнадцать рублей двадцать шесть копеек, — принялась загибать пальцы она. — И в школу он ходил образцово-показательную!

С сыном я встретился немного позже. Румяный мужчина respectable вида долго не мог понять, что, собственно, от него хотят.

— Я ровно девять рублей восемьдесят копеек посылаю матери каждый месяц. Как положено. У меня и квитанции все подшиты. — И он извлек из буфетного ящика толстую кипу пожелтевших бумажек. — Да вы квитанции-то поглядите, поглядите, — суетился сын, — там дата указана...

— Вашей матери нужно внимание... — наконец удалось вставить мне.

— Так я вам еще не все сказал, — обиделся собеседник. — Вот чек на ботинки дамские, кожаные «Скороход», цена восемнадцать рублей шестьдесят семь копеек, и, между прочим, меня никто не просил. Сам купил и отослал. Это ли не забота? Платок шерстяной узорчатый цена девять рублей шестнадцать копеек. Да мне бы каждый месяц кто по десятке отваливал, я бы не жаловался! А в этом году старое женино пальто отослала, еще очень даже приличное, вот и жена тут, не даст соврать.

И супруга, поджав губы, кивнула.

Попробуем разобраться в этой непростой математике. Среднюю сумму, затраченную матерью на содержание сына в течение года, умножим на восемнадцать, сложим и приплюсуем то, что указано в письме. Ах, даже подумать страшно, какая у нас получится огромная цифра! Сын же, в свою очередь, может составить не менее длинный список расходов на мать: ежемесячные переводы на девять рублей восемьдесят копеек, подарки к именинам, телеграфные квитанции... И тогда, обменявшись счетами, им очень легко будет установить, кто кому сколько должен. По преysкуранту. Но зачем тогда говорить о сыновнем долге, о заботе, о внимании, если они не входят в состав преysкурантных цен?

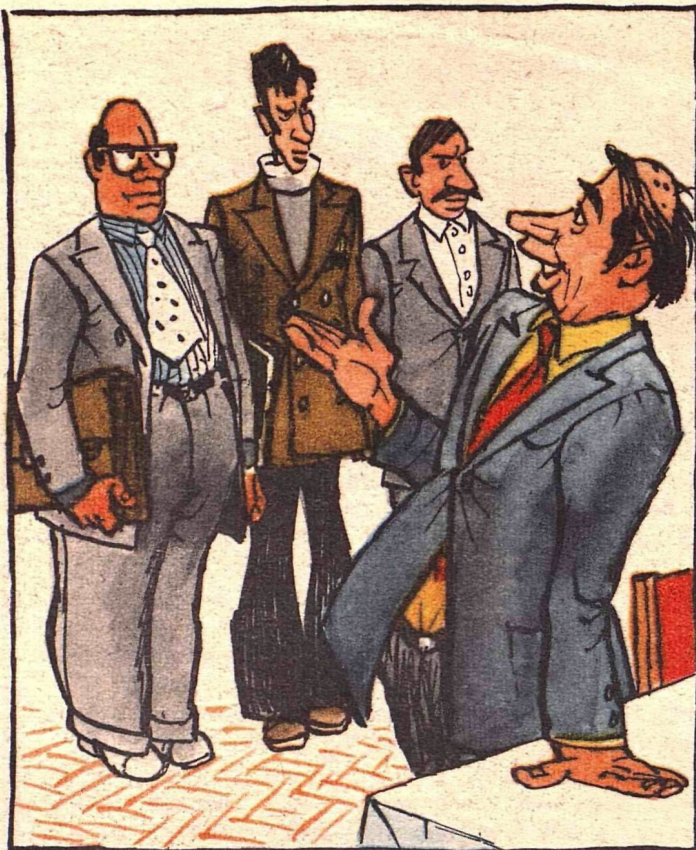
И не нужно обижаться, когда взрослый сын, прислав к Новому году хрустальную вазу величиной с ведро, приложит к ней записку: «Жив-здоров, привет тетке Марье». Ведь чек из магазина он наверняка пришлет вместе с подарком.

Можно завалить мать дорогими подарками, но не дать любви, а согреть человеческое сердце сумеет только любовь.

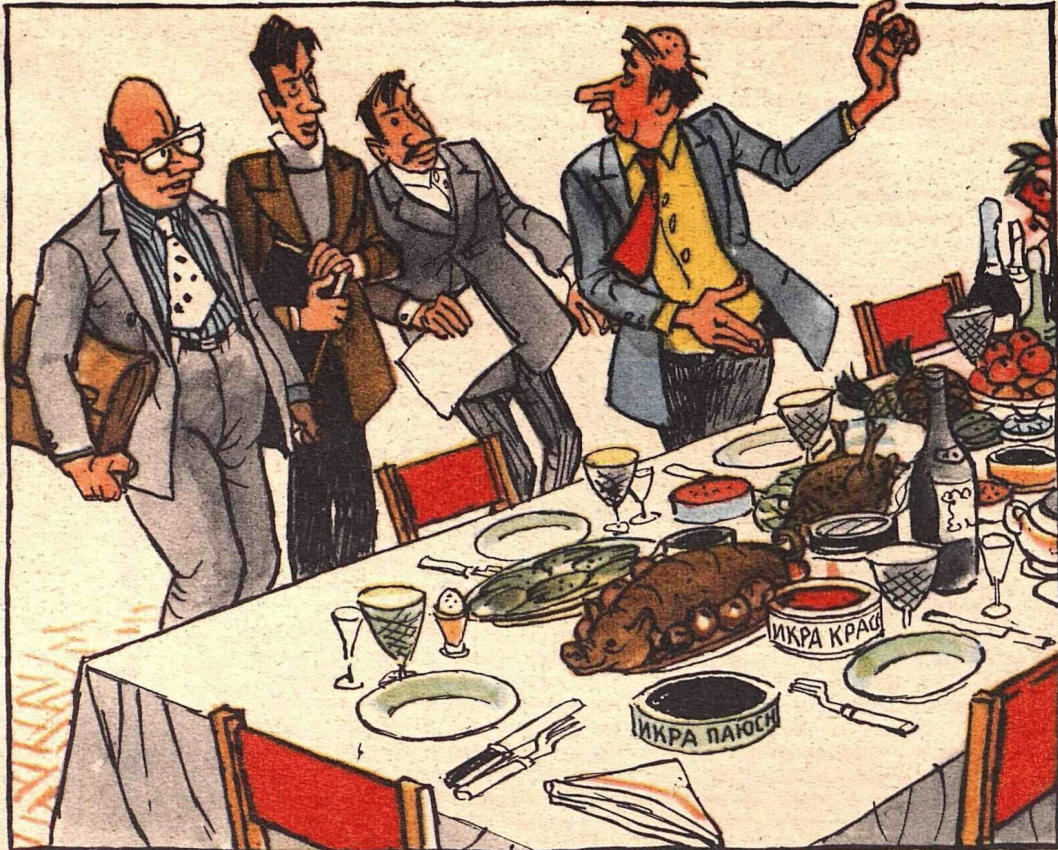
И, может, не стоит закладывать в сына, словно в сберкасу, дорогие вещи и удовольствия в надежде получить с него как процент с капитала любовь и заботу. Не лучше ли вложить в него умение заботиться о близких, несмотря на то, что стоимость этого чувства не может вычислить самая дорогая электронно-счетная машина. Но, увы, готовых рецептов нет...

Трудно измерить в деньгах сыновний долг. Но еще трудней говорить о родственном долге, перебирая старые счета.

Развегонис

СТРОИТЕЛЬ — ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ:
— Товарищи, зачем вам ехать на объект?

Я и так вам все расскажу:

Дом такой же большой и красивый,
как этот стол...

Обычно как? Обычно вот какой товарообмен происходит у фельетониста с жизнью. Та ему — факты да эпизодики, а он ей в ответ — свою оценку. Свои мысли по поводу. Свою позицию.

И вот уже выставлен на всеобщее обозрение носитель порока. Смотрите, читатель, запоминайте и узнавайте впредь — это он!

В данном сочинении выставлять некого. Пуста площадка для обозрения, растерянный же автор смиренно признает, что нарушил джентльменский договор с жизнью. Та ему — факты, и сколько угодно, а он в ответ — ни бэ ни мэ. Да, лепечет он, товарищ Зайцев проявил, разумеется, некоторую беспринципность, но... Чувствуете? «Некоторую»... «Но»... И так далее. Какая уж тут позиция!

Товарищ Зайцев — заместитель директора объединения «Наядомлес», что в Архангельской области. Это фигура. Его подчиненные — тоже начальство, и в их числе — заведующая Бурачихинским нижним складом Савицкая. Вот в отношении ее нас не мучает проклятая двойственность.

Савицкая получала вагоны: не один и не десяток — сотни. Это суровый дефицит. Костями ляжете, но без спецразнарядки с печатями и подписями не заполучить вам и четверти вагона. А тут — сотни, и все их вместо того, чтобы проворно и радостно загружать, Савицкая изобретательно мариновала на запасных путях. В общей сложности полторы тысячи часов простояли вагоны без дела, что в переводе на рубли переваливает за четыре тысячи.

Но это не фельетон о бесхозяйственности, где с позицией все ясно. И мы не приглашаем завскладом Савицкую на нашу площадку для обозрения, ибо она уже была приглашена в другое место. И вот тут-то на сцену вышел товарищ Зайцев. Официальное письмо в прокуратуру прислал он, где великодушно просил не взыскивать с Савицкой организованные ею убытки. Объединение, дескать, спишет их... Объединение не будет предъявлять иска... Объединение гуманно и готово ограничиться тем, что укоризненно погрозит пальцем.

Теперь внимание! Снимаем с факта верхний очевидный слой и сосредоточенно поглядим, что в середине.

Вариантов мнится тут множество. Будь замдиректора двоюродным дядей Савицкой, или бывшим соучеником по начальной школе, или хотя бы соседом — ах, как разгулялось бы в таком случае сатирическое перо! Однако нам не надо мытарить себя в догадках, подыскивая мотивировку защитительно-му благородству товарища Зайцева. Он

Стало быть, не с аптекарской. Стало быть, учитывается не только личность озорника и мельчайшие заусеницы дела, но и обстоятельство, которое, строго говоря, не имеет к этому делу никакого отношения. И вдруг выходит, что оно, это далеко отстоящее от дела обстоятельство, оказывается чуть ли не решающим. Тогда слышим:

...Он, конечно, алкаш и как получка, так три дня куролесит и празднует и потом еще три дня изживает дрожь в конечностях, но послушайте, где я возьму строительных рабочих, которых острая нехватка вокруг?

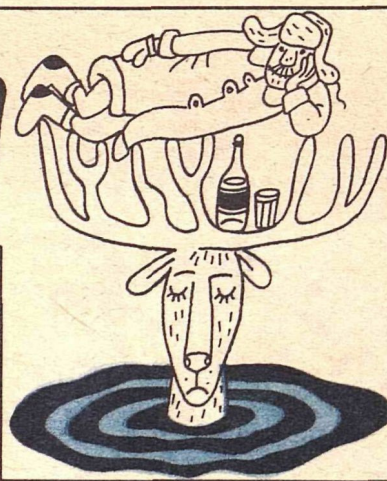
...Да, левак, и не раз ловили его с левым грузом, но попробуй накажи — обидится и уйдет, а за воротами гаража чуть ли не дежурят кадровики — послан-

Наказал бы, но... Ударил бы рублем, но... Уволил бы, но... Приглушенно, но широко звучит этот урезонивающий самое себя гул, и оттого понятно, как вздрогнул и обострил натренированное внимание зам. прокурора Ненецкого округа Кожевина, когда раздался не очень-то привычный по нынешним временам крик о помощи:

— Взыщите! Накажите! Поставьте на место, дабы неповадно было другим.

Я говорю «не очень привычный», по-

МЕЖДУ
СЦИЛЛОЙ

И ТАРИБЛОЙ

Р. КИРЕЕВ
специальный
корреспондент
Крокодила

сам выставил и высоко поднял щит, на котором выгравировано: разбегутся заведующие нижними складами, если мы начнем стегать их рублем, а их у нас и так не хватает. Их — это заведующих, а не рублей.

Как быть? Не заместителю директора Зайцеву, который, слава богу, определил свою позицию, а фельетонисту, которому сделать это еще предстоит? Затянуть разговор о принципиальности руководителя? Отшлепать администратора за мягкосердечие или плохую работу с кадрами? Все это было, да еще столько раз, и, значит, искушенный читатель может мысленно проделать данную операцию сам, пока автор обескураженно стоит перед фактом: нижние склады — они есть, а заведующих этими самыми складами — нету. Во всяком случае их круто недостает, и сбросить это обстоятельство с пресловутых весов, на которых с аптекарской точностью отмериваются шлепки за преступления, — как можно?

ники окрестных автопредприятий. Конкуренция!

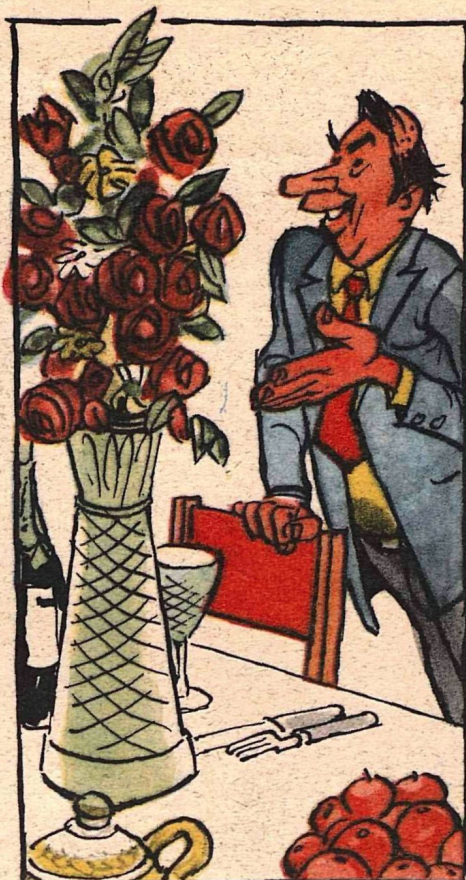
Вот что слышим. С Прибалтики до Камчатки и с Воркуты до Кушки обклеена страна объявлениями: «ТРЕБУЕТСЯ, ТРЕБУЕТСЯ, ТРЕБУЕТСЯ...» Разве что космонавтов и дегустаторов не выкликают публично, да еще актеров на очередную чеховскую экранизацию. Остальных только подавай. Это ли не первое свидетельство молодости страны и неслыханного, набирающего мощь созидания? Рабочие руки нужны всюду и в большом количестве; во всяком случае больше, чем их есть, и кое-кто не прочь поиграть на этом. Слышите?

тому что речь в этом призыве шла не о начальстве, которое подчас мы умеем лихо бранить и ставить на место, а о самых что ни на есть подчиненных — пастухах. Да-да, пастухах, и автор отдает себе отчет в том, что может навлечь на себя этим пассажем подозрение в недемократичности мышления или даже недостаточной профессиональной отгае. Пусть! Но автор утверждает, что издавший этот призывный клич главный ветеринарный врач опытно-показательного хозяйства Нарьян-марской сельхозинспекции Эдуард Николаевич Шальков — человек смелый и преданный делу крепко. Смелый, поскольку его не испугала почти половинная нехватка пастухов в хозяйстве, а преданный, ибо сильно задела его за живое гибель оленей.

Часть их утонула в ледяной воде вскрывшейся речки Соймы, переправу через которую специалист Шальков классифицировал как грубейшее нарушение технологии выпаса. Другая часть «откололась», пастухи же, вместо того

Есть горячая и холодная...

Имеется озеленение...

— Ладно, дом принят, давайте акт!

Рисунок
Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

чтобы принять экстренные меры к розыску поголовья, жизнерадостно пьянствовали. Авторитетная комиссия, возглавленная специалистом Шальковым, установила, что «потеря 311 голов оленей объясняется только слабой организацией и дисциплиной труда». Только! Это цитата из документа, уверенно подписанного главным ветеринарным врачом.

А потом наступило отрезвление. Я говорю не о пастухах, я говорю о главном ветвраче, человеке смелом и преданном делу крепко. Смелом, поскольку у него хватило духу взглянуть правде в глаза и понять, что этак они останутся совсем без пастухов. А преданном, ибо, не задумываясь, пожертвовал он ради дела репутацией принципиального человека. И даже элементарно последовательного.

— Что вы, что вы! — публично замахал он руками в зале судебного заседания. — Пастухи вели себя безукоризненно. Не только спирта, но даже чаю не брали в рот по причине великой занятости: оленей искали. Бедняжки олени погибли, конечно, но дисциплина тут ни при чем — стихия, знаете.

Суд посоветовался и в замешательстве передал дело на новое расследование.

Тут-то и стала было вырисовываться позиция автора, который воскликнул:

— Закон един, и если кто бы то ни было причинил ущерб, он обязан не только компенсировать его, но и понести наказание! Это аксиома, и разве не тверда она, как скала?

— А это факт, — сказал некий обремененный опытом руководитель, с которым автор поделился своими соображениями. — Факт, что если я на всю катушку спрошу с пастуха или со слесаря, с шофера или заведующего нижним складом, то есть с человека профессии дефицитной, то кто помешает ему сказать: «Ах, так!» — и уйти в любую из четырех сторон? Закон на его стороне, и закон един. Так как со скалой?

И правда, как? Две их, Сцилла и Харибда, встали на пути проблемы, и как побезопасней пройти между ними? Очевидно, самым лучшим маяком для этого будут строгое соблюдение законности и государственных интересов.

г. Архангельск.

Переводика

Владимир ИВАНОВИЧ

Моя подруга

Моя подруга, что наяда,
Среди полей, лугов и скал...
Она любовь моя, отрада!
Ее мне, верно, бог послал!
Какие ножки, что за плечи!
А голос — пенье соловья!
Полны ума и страсти речи,
И с ней
Во всем согласен я.

Жаль,
Вы не видели величья
Моей подруги и красу:
То Дездемона!
Беатриче!
То фея в сказочном лесу!

Еще подростком ненаглядной,
Моей единственной была...
(Я знаю, милая здесь, рядом —
Послушать речь мою пришла.)

Знакомый облик негой дышит...
Лучистый взгляд... Пунцовый рот...
Но если истину услышит —
Тотчас язык мне оторвет!

Авторизованный перевод
с украинского
Е. АРГУТИНСКОГО.

Юрий БЛАГОВ

Гимн шутке

Не делают старость
Мечтою своею,
Никто ведь не скажет:
— Ура, я старею!
Но чтоб на закате
Нам не было жутко,
Пусть возле кровати
Усядется Шутка.

Когда, скажем прямо,
Веселого мало, —
Она бы упрямо
Наш дух поднимала.
Чтоб мы на пороге
То ль ада, то ль рая
Подбили итоги,
Шутя и играя.

Басни

Николай КОСТАРЕВ

Банкет с изюминой

В один из дней
В конторе «Гвоздь и провод»
Собрались сослуживцы на банкет
По поводу...
Всегда найдется повод!
Без поводов банкетов нынче нет!
Ломился от закусок стол банкетный,
Тут был и жирный гусь,
Был и рулет паштетный,
И ветчина,
И шпроты,
И сардины,
И круглые, блестящие маслины,
Ну, в общем — все,
Вплоть до донской селедки,
Лишь не было
Ни коньяка, ни водки.
Вы спросите: «Что ж это за банкет,
Когда к закускам там хмельного нет!»
Отвечу сразу, чтобы снять все споры, —
Непьющим был начальник
той конторы!

А водка и коньяк,
Что называл он «элом»,
У каждого стояли под столом!
Изюмина вся в этом и была —
Начальник видел лишь...
Поверх стола!

Огонь и Береза

Решила Береза
С Огнем подружиться.
Решила: без друга
Одной не прожить!
Поднес ей Огонь
Свои алые розы —
И пепел остался
От юной Березы.

Шавка — критиканша

Скулила Шавка у забора:
— Хозяин выгнал! Не снесу позора.

В толк не возьму
И не пойму,
Что я плохого «сделала ему»!
— Как не поймешь! — с забора
фыркнул кот, —

То ты ему заглядывала в рот,
Хвостом виляла, лыстила неприлично,

А то вчера, из-под ворот,
Я это видел лично,
Ты на весь двор его
Облаяла публично!
— Облаяла! Такого не бывало!
То я его критиковала!
— Эх, Шавка, ты хоть разбери,
Где критика,
А где собачий лай!

г. Ростов-на-Дону.

Таланты

поклонники

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

ГАС- РОЛИ

Мне могут не поверить, но есть чу-
даки, которые всю жизнь работают
за одну зарплату. Стыдно призна-
ться, но я сам знаю таких. И если го-
ворить уж совсем честно, то все мои
знакомые именно так и крутятся. И я
в том числе.

И только недавно, можно сказать
на склоне лет, мне посчастливилось
познакомиться с человеком, который
жил на две зарплаты.

Познакомился я с ним не лично, а
по судебному делу. И уж на суде
выяснилось, что этих зарплат у него
набегало штук двадцать. А может, и
больше. Судебные эксперты оказа-
лись не в состоянии их все сосчитать.
Так что, если бы не этот несколько
неуместный суд, то наш герой мог
бы и дальше жить в свое удоволь-
ствие.

Причем самое удивительное, что
он ничего особенного собою не пред-
ставлял. Ну, окончил бы финансовый
институт, или торговал пивом, или
имел фамилию Ротшильд — можно
было хоть как-то объяснить, где че-
ловек научился так успешно делать
деньги. А тут, понимаете, ничего по-
хожего. Он руководил вокально-ин-
струментальным ансамблем «Поющие
юnger» в областной филармонии. При-
чем даже не имея специального об-
разования. И фамилия у него тоже
была весьма обыкновенная: Козулин.
И тем не менее даже на такой, каза-
лось бы, абсолютно бесплодной поч-
ве истинный талант может развер-
нуться во всем блеске.

В описываемый период ансамбль
«Поющие юnger» переживал трудный
период. Часть артистов из него по
разным причинам ушла, и в резуль-
тате подготовленных номеров хватало
только на одно отделение.

А с одним отделением жить на све-
те значительно труднее, чем с двумя.
Нужное количество концертов (план)
не сделано. Следовательно, нельзя
давать внеплановые концерты. А от-
сюда нет и хорошего заработка.

А коли в этом препона, то, видимо,
ее и надо преодолеть в первую оче-
редь. Тем более что вокруг находят-

ОСОВРЕМЕНИЛ...

ся милые, отзывчивые люди. Поэто-
му, когда «Поющие юnger» собрались
ехать на гастроли в Днепропетровск,
Козулин сумел получить от директо-
ра филармонии Иванковского разре-
шение дать два-три внеплановых кон-
церта. Совершенно незаконное, меж-
ду прочим, разрешение.

Это не означает, что директор фи-
лармонии в порыве великодушия
махнул рукой и сказал: дескать, чего
там, валяйте! Нет. Он должен был
выдать специальную лимитную
справку — документ, который давал
право Козулину на заключение тру-
дового соглашения.

И вот эта справка распахнула две-
ри для всех последующих диковин-
ных происшествий. Начать с того, что
Козулин заготовил, а директор под-
писал больше десяти лимитных спра-
вок. Подписал не глядя, а потом на
следствии сам разводил руками, не-
доумевая, как же это получилось.
Причем большинство справок оказа-
лись подложными. В них были впи-
саны посторонние лица, завышена
амортизационная стоимость, и полу-
чалось, что весь концерт стоит доро-
же, чем было на самом деле.

Далее Козулин развил столь кипу-
чую деятельность, что все только
ахнули. Причем не сразу ахнули, а
уже на суде.

Прежде всего Козулин договорил-
ся с Днепропетровским обкомом
комсомола насчет концертов и по-
ставил условием, что всем артистам
будет уплачена двойная тарифная
ставка. Почему работники Днепро-
петровского обкома сочли возмож-
ным незаконно платить двойную зар-
плату, так и осталось невыясненным.
Видимо, опять же из чувства симпа-
тии к молодым артистам. И речь уже
шла не о трех-четыре концертах, а
о десятках выступлений, причем, в
самых больших залах города.

Затем Козулин договорился с дву-

мя популярными артистами из сосед-
ней Одесской филармонии, что они
будут выступать во втором отде-
лении. Разумеется, тоже за двойную
ставку. Эти артисты хорошо извест-
ны в стране, они в этой истории не
виноваты, и их имена даже неловко
упоминать в связи с этими финансо-
выми операциями.

Организационные заботы были по-
ручены специально приглашенному
из Одессы артисту разговорного
жанра Бубису, за что ему (опять же
незаконно) филармония определила
зарплату.

После такой фундаментальной под-
готовки оставалось пошире открыть
карман, в который должны течь
деньги. И они потекли. Текли тысячи
рублей. И этими деньгами распоря-
жался Козулин.

В Днепропетровске и Днепродзер-
жинске было дано на сторону 28
концертов, в Кривом Роге и Полта-
ве — 15. Давали по три концерта в
день в самых вместительных залах,
во дворцах культуры, в цирке. Вме-
сто каких-то жалких, предусмотрен-
ных планом пяти дней ансамбль га-
стролировал полмесяца. За это вре-
мя, кроме запланированных концер-
тов, было дано 43 концерта на сто-
рону, о которых дирекция филармо-
нии вообще не имела представления.
Не имела представления она и о
двойных ставках и вообще о всех
нюансах, которые сопровождали га-
строли. Но все эти нюансы давали
Козулину пока что лишь вторую та-
рифную ставку. А где же настоящие
деньги? Где остальные зарплаты?
А вот они!

Представьте себе: юnger поют. Но
каждый артист знает, сколько он
должен получать, какая у него зар-
плата. Он не претендует на вторую
ставку. Иные о ней даже не знали.
Он рад, что вообще поехал на гастро-
ли. Поэтому в день получения, когда

кассир выдавал каждому артисту по-
ложенную сумму в конверте, Козу-
лин неподалеку от кассы вешал соб-
ственную сумку. В нее-то и опускали
свой заработок почти все артисты.
Потом уже, в других апартаментах,
Козулин разворачивал конверт и воз-
вращал примерно половину денег.
То есть положенную одну ставку.
При этом говорил: «Вы свои деньги
получили, остальное пусть вас не ка-
сается. Это — мое дело». Иногда да-
валось разъяснение, что остальные
деньги пойдут на приобретение уси-
лителей, микрофонов и другой аппа-
ратуры, которая с течением времени
амортизируется. Однако никакой аппа-
ратуры не приобреталось, деньги
Козулин хранил у себя дома, и они
были изъяты во время обыска. Свы-
ше пяти тысяч он сдал в ходе пред-
варительного следствия.

Как видите, гастроли закончились
не традиционными аплодисментами,
а довольно прозаической формулой:
«Встать, суд идет!» И возникает не-
доумение, почему все получилось
так плохо, когда началось все вроде
бы хорошо.

А получилось это потому, что мно-
гие должностные лица, причастные к
гастролям, делали различные нару-
шения. Директор филармонии Ива-
новский разрешил давать концерты
на сторону, когда плановые были не
отработаны, подписал не читая мно-
жество лимитных справок. Работники
Днепропетровского обкома комсо-
мола и Октябрьского райкома ком-
сомола Полтавы незаконно платили
артистам двойные ставки.

Посмотреть на эти действия по-
розынь — все делалось без злого
умысла, из добрых побуждений, так
сказать, идя навстречу молодым та-
лантам. А глянешь на все вместе —
так получаются два тома уголовного
дела.

г. Николаев.

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

«Что нам стоит домну построить...»

Как вы думаете, легко построить домненную печь? Строители считают, что дело это хлопотное и трудное.

У ленинградского публициста Вильяма Козлова на этот счет свое мнение. У него домны растут как грибы. Обмакнет автор перо в чернила — и

Мое прочтение!

Балкон - самолет

Этаж мне достался высокий...
Не жалуюсь — благодарю!
Взойду на балкон и, как сокол,
Над городом гордо парю.

Над всей суматохой столичной
Такую рвану я свечу!
Но главная прелесть, что лично,
А не коллективно лечу.

пожалуйста: «Пятая домна еще не освободилась от строительных лесов, и дорога к ней пока еще не пролегла. Правда, наверху полыхает сварка, отбрасывая на блестящие рельсы голубоватые сполохи, слышится дробный перестук пневматического молотка, вбивающего в покатый бок домны круглые аккуратные заклепки».

Конечно, автор может не знать, что домны на заклепках давно не строятся. Но вот куда он их вбивает, если пятой домны нет еще, если ее и строить-то не начинали?

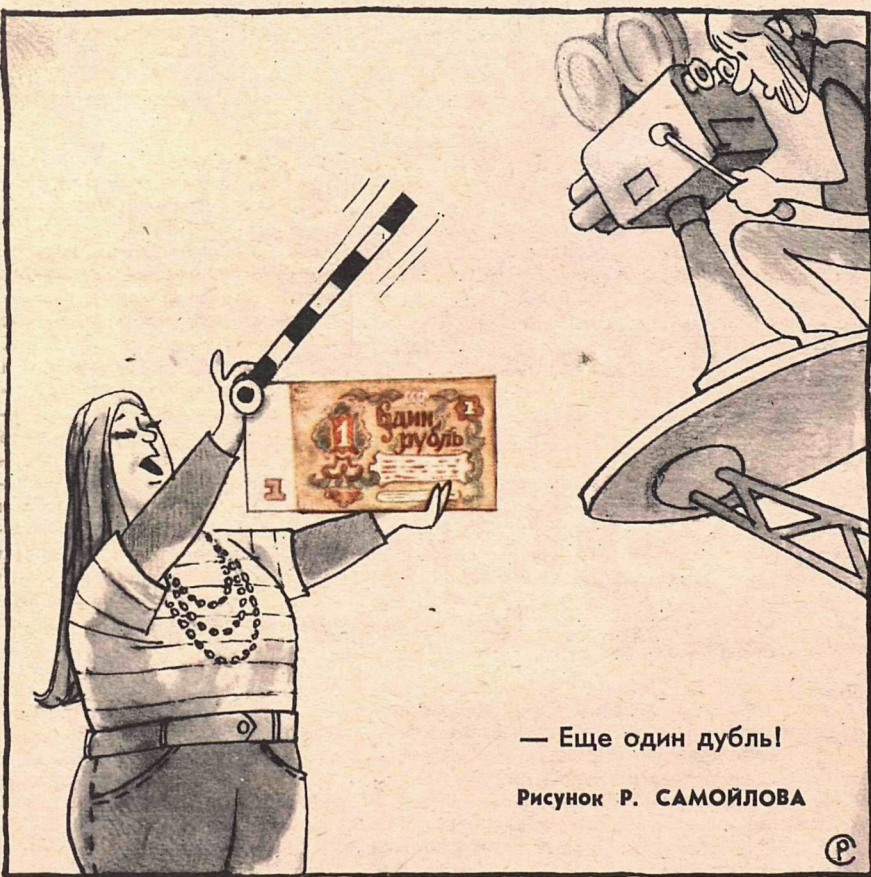
А. ВАЛЬКОВ,
редактор Череповецкой
студии телевидения

Алексей ПЬАНОВ

Этажность над миром возносит
так, словно я лично лечу...
Владимир САВЕЛЬЕВ

Боятся высоких балконов
Жильцы низовых этажей.
Бедняги живут по законам
Не знавших полета ужей.

Но жизнь без полета — пустая!
Таков непреложный закон.
И я регулярно летаю,
Пока не заклеен балкон.

— Еще один дубль!

Рисунок Р. САМОЙЛОВА

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

Скуки ради

По этой дороге из поселка Лопандино шел бывший шофер узла связи Михаил Никишин. Вообще-то он шел без всякой цели. На исторические места взирал без трепета. Памятники культурной архитектуры его не интересовали. Он был молодой парень двадцати одного года, а делать ему было совершенно нечего. Может, он и втянулся бы в какую-нибудь секцию типа футбола, но спортивная работа в поселке Лопандино не горела. Клуб сахарного завода был на запоре. Клуб сахарников уже пережил счастливую пору расцвета, когда его духовой оркестр гремел в прямом и переносном смысле, а на сцене шли четырехчасовые разного увлекательного содержания спектакли. Ныне здание бывшего магнеза графа Воейкова сильно облезло снаружи, а еще унылее было запустение внутри. Поэтому Михаилу пришлось в голову пойти в село Радогощь на ярмарку. Может, он думал, на ярмарке работают аттракционы типа карусель, гигантские шаги, комната смеха, измерение силы. Сила у Михаила была. Но на ярмарке ничего не работало. Зато встретились знакомые ребята, и они купили шесть бутылок крепленого вина «Яблочное» и распили его около магазина.

Кругом цвел люпин, радовало глаз разнотравье... Распив крепленое вино, ребята той же самой дорогой пошли обратно в Лопандино. По дороге они встретили Котова, молодого радогощского ветеринарного врача. Они его встретили, и Михаил попросил у него рубль на поллитру, так как денег у него больше не было.

— У меня тоже нет. Я лезвия для бритвы купил на ярмарке, — сказал ветеринарный врач и показал покупку. Ребята попросили у него по лезвию. Врач им дал, но без особой охоты. Михаил тогда опять попросил у него рубль на поллитру.

— Знаешь, зарабатывать сам и пей сколько влезет, — сердито сказал ветеринар.

В ответ на эти слова Михаил влепил врачу кулаком в челюсть. Сила у него была. Ветеринар упал. До этого у них были взаимоотношения нормальные.

Тут их догнали возвращающиеся с ярмарки женщины. Они, конечно, стали возмущаться и отогнали ребят от ветеринара. Михаил ответил им бранью. Ветеринарный врач встал и пошел домой к бабушке. Что было дальше, он не знает.

Дальше было вот что. Ребята пришли в Лопандино. Клуб сахарников был закрыт. Они засунули головы в разбитое окно, потом высунули головы и пошли шататься по поселку. Была суббота. Делать было совершенно нечего.

Когда наступил вечер, все в нетрезвом состоянии пошли в парк на

танцы. В это время В. В. Хандешин с женой и брат его жены со своей женой также прогуливались по парку в ожидании танцев. Они приехали в Лопандино к сродичам культурно провести субботний вечер. Михаил сидел на теннисном столе около танцплощадки. Когда В. В. Хандешин проходил мимо него, он отозвал его в сторону и под предлогом угостить папиросой стал разговаривать.

— Кто это с тобой гуляет? — стал разговаривать Михаил.

— Моя жена, а также брат женин со своей женой, — ответил Хандешин.

— Мне надо отойти с ней в сторону, — сказал Михаил.

Хандешин возразил.

— Возможно, тебе еще чего надо? — спросил подошедший брат его жены.

Михаил на эти слова врезал ему кулаком в челюсть. Одна из женщин, точнее жена брата жены, в глубине мысли почувствовала что-то неладное и закричала. Хандешин стал защищать родственника, но в это время его ударил кто-то по голове. Кругом стояло уже человек пятнадцать. Короче говоря, началась групповая драка, сопровождаемая нецензурной бранью. Женщины стали уводить мужей с места драки. У Хандешина рубашка оказалась разорвана, правая сторона лица совсем опухла, так что даже жевать было нельзя.

— Вот и сходили на танцы, — горько сказал брат его жены, посмотрев на родича.

Тут заиграла музыка, нецензурная брань стихла, на танцплощадке закружились первые пары. Михаилу Никишину хотелось сделать что-нибудь еще. Он пошел к соседу, попросил у него обрез, вернулся на танцплощадку и стал палить в воздух...

— Конечно, Михаил виноват, — сказал на показательном суде учитель Лопандинской средней школы П. Горелов: — И теперь он будет сидеть три года. Но отчасти виноваты и мы. Чокаются-то они с нами...

Брянская область.

В Продолговатом

зале

Крокодил не однажды слышал о вокально-инструментальном ансамбле «Пламя». И вот он взял и пригласил этот коллектив на свой крокодильский понедельник. Ансамбль охотно отозвался на приглашение и в полном составе прибыл в редакцию. Артисты ис-

полнили лирические, народные, зарубежные и, конечно, шуточные песни. Они на деле доказали, что исполняют их очень хорошо. За это Крокодил вручил ансамблю свою похвальную грамоту и памятную медаль. А крокодильский портретист В. Мочалов успел изобразить во время концерта наиболее близко стоявших к нему артистов «Пламени»: Александра Колоколова, Вячеслава Малевича, Юрия Петерсона, Юрия Редько, Алексея и Ирину Шачневых.

Крик души

Почему я всего-навсего никто

Очень хорошо, когда повсюду видишь результаты опросов общественного мнения. Но откуда, черт возьми, эти результаты берутся? Во всяком случае не от меня. Мне уже далеко за семьдесят, но я еще ни разу не встретил человека, кто был бы заинтересован в моих взглядах.

Я даже не знаю, как выглядят служащие нашего местного самоуправления. Я никогда не видел в глаза работника социального обеспече-

ния, а с депутатом парламента я разговаривал только один раз, да и то сорок лет тому назад.

При этом я никому ничего не должен. Я проработал с 13 лет до выхода на пенсию

в 65 и ни разу не получил ни пенни пособия. И при всем том я, похоже, всего-навсего никто, чьи взгляды ничего не значат.

Р. РЕЙСОН,
Шеффилд, Йорк

Вот такой крик забытой души был опубликован в разделе читательских писем английского журнала «Уикенд». Единственным утешением для мистера Рейсона может служить только то, что он такой не один. Имя им, не охваченным «всеобщей и поголовной» западной демократией, — легион...

Состряпанная Яном Смитом «конституция» для Родезии фактически призвана сохранить привилегии расистского белого меньшинства.

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

У карты мира

Королевство в республике

Без малого пятьсот лет назад лихие кабальеры с божьей помощью доплыли до земли, еще не оприходованной в португальской королевской канцелярии. Сколотили крест красного дерева. Отслужили обедню. И этим незатейливым зрелищем расплатились с любознательными туземцами за их страну, которая отныне стала называться Бразилией.

О ветхозаветная простота нравов!

Американскому мультимиллионеру Дэниелу Людвику не потребовались фрегаты, каравеллы и обедни, чтобы урвать лакомый кусочек Бразилии. Он уплатил астронавтическому ведомству США, и за это ему из космоса угладили аппетитный ломтик земли, туго набитый полезными ископаемыми. А бразильскому правительству было твердо заявлено: облюбованные пространства пригодны лишь для скотоводства. То есть в смысле, что он,

мистер Людвиг, поигрывая на свирели, будет разводить овец на территории чуть поменьше Гаити и чуть побольше Ливана.

Пастушеской идиллии, как и надо было ожидать, не последовало. Зато строились горнодобывающие предприятия. Шла на продажу руда. Сухогрузы швартовались у стенок собственного порта Людвиг на Амазонке. Росла собственная людниговская столица. С собственной полицией. С собственными законами.

Так что мистер Людвиг доволен. Рабочей, а вернее, рабской, силы — хоть отбавляй. Сальдо явно в пользу господина мультимиллионера. Как, впрочем, и в пользу других «держав», паразитирующих на теле Бразилии. Слыхали ли вы о королевстве «Фольксваген»? О княжестве «Пирелли»? Графстве «Сименс»? Герцогстве «Дженерал электрик»? Эти и другие иностранные и транснациональные монополии без помех процветают на бразильской земле.

...На государственном флаге Бразилии — федерации двадцати трех штатов — двадцать три звезды. К ним можно прибавить немало счастливых звезд чужестранных неоконкистаторов.

Денежная девушка без денег

Когда итальянец хочет разменять банкноту в 50 тысяч лир, он говорит: «Разменяйте мне Марилену». В конце концов это разозлило настоящую Марилену Инноченци из города Ровьяно — двадцатидвухлетнюю голубоглазую девушку в джинсах и красной кофточке. Она подала в суд на Итальянский банк, который воспроизвел портрет Марилены на банкноте, не спросив на то ее согласия. Заодно Марилена обвиняет художника Гульельмо Савини, которому она позировала.

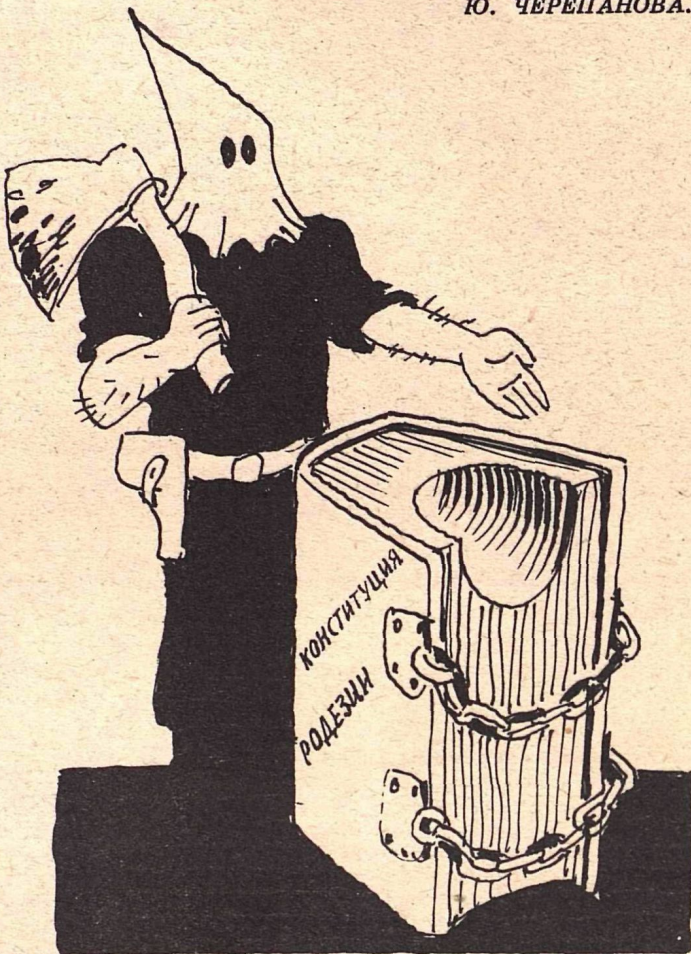
Возмущает девушку хамство — художник не заплатил ей ни лиры за позирование, а банк даже не подарил ей купюру с ее изображением. А она бы быстро нашла деньгам применение. Не тратя времени на любование своим образом, попросту пошла бы на рынок за съестным, потому что «денежная девушка» Марилена сидит без денег — у нее нет работы.

«Пока банк не возьмет меня на работу, я заявление из суда назад не беру», — заявила она.

Робкие и зачастую показные попытки американского правительства уничтожить коррупцию в государственном аппарате, как правило, кончаются безрезультатно.

Рисунок из журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

ЯН СМИТ: — А это специально для черного населения вырублено топором то, что было написано пером.

У голубого экрана

Телевизионные кирпичи

Отныне жители США имеют возможность самым эффективным способом выражать свое мнение о программах телепередач. В американских магазинах начали продавать «телевизионные кирпичи».

На первый взгляд они ничем не отличаются от своих строительных собратьев, только изготовлены не из глины, а из легкой и мягкой пластмассы. Теперь, включая телевизор, американец кладет рядом с собою «телекирпич». И когда ему становится совсем уж тяжело от сцен насилия, зверств и ужасов, разыгрывающихся на экране, он с размаху швыряет «телекирпич» в экран. Положительный результат налицо — и зритель разрядился, и телевизор в целости.

ВКУС СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

Новый метод борьбы с неугодными журналистами предложил Жозе Мариа Барбоза, полицейский комиссар бразильского города Тимон. Сначала репортера останавливают на улице и как следует избивают. Затем под угрозой револьвера его заставляют съесть пухлый экземпляр газеты, где была напечатана не понравившаяся коммиссару статья. Сцена фотографировается, а фотографии рассылаются другим журналистам города — в назидание. Интересно, приживется ли это нововведение?

Михаил Соломонович БИТНЫЙ

(к 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж
А. ЦВЕТКОВА

— Я вижу, милочка,
вы заказали в этом
ателье платье еще
раньше меня!

Рисунок юбиляра

В. КОМОВ

Выигрш с ослженнми

...Уборщица А. Чуйкина и ее сын Владимир, электрик завода «Центролит», в начале года выиграли по лотерее «Спринт» автомашину «Москвич».

В сберкассе и в Главном управлении спортивных лотерей без проволочек все оформили. К слову, в присланном Главспортлото уведомлении было подчеркнуто: «При получении груза тщательно проверьте его ценность и комплектность в присутствии работников железнодорожной станции. В случае претензий при получении груза (поломки, повреждения, некомплектность и т. д.) требуйте от

железнодорожной администрации составления коммерческого акта».

Наверняка все это зряшные перестраховочные рекомендации!

Три с лишним месяца назад машина прибыла из Ижевска в Липецк. Получив уведомление, счастливики бросились на станцию. Глянули — и обомлели. Не от счастья, нет! В дальнем углу грузового двора, подальше от людских глаз, увидели искалеченный оранжевый кузов, покрытый грязной бумагой; к тому же все внутри было залито водой.

В утешение руководители станции тут же вручили А. Чуйкиной и ее сы-

ну коммерческий акт. В этом горестном реестре зафиксировано: разбито лобовое стекло, деформирован багажник, сорван замок, отсутствуют шоферский инструмент, запасное колесо, ключ зажигания, аккумулятор и маслодатчик, антенна, ремни безопасности, сорваны все пломбы и т. д. Заместитель начальника станции З. Чулюкова, первой подписавшая акт, с трудом сдерживая раздражение, разъяснила:

— Принимайте свой груз и не капризничайте! Кое-что мы достанем, а на станции техобслуживания машину приведут в порядок. Вы же за полтинник выиграли такое чудо. Чего ж еще раздумывать?

Владельцы «чуда» вняли совету и обратились на станцию техобслуживания. Там не водили за нос, тут же четко сказали:

— Рады, да не можем. Нет в наличии нужных запасных частей.

Удачливые участники «Спринта» послали коммерческий акт на Ижевскую базу Посылторга и на станцию Ишим Свердловской железной дороги, где впервые была обнаружена метаморфоза с «Москвичом». Ни ответа, ни привета.

Тогда А. Чуйкина написала в Министерство путей сообщения. Оттуда без промедления ответил начальник главного грузовой управления Л. Сташкевич: «Ваши письма внимательно рассмотрены. Начальнику грузовой службы Юго-Восточной железной дороги дано указание о расследовании изложенных фактов».

Действительно, вскоре приехал начальник грузовой службы дороги А. Пришепин, глянул на ободранный в пути следования четырехколесный выигрыш и дал категорическое указание: немедленно доукомплектовать машину и в должном виде вручить жалобщикам.

Но «Москвич» по-прежнему все там же и в той же спортивной форме. А измаявшиеся победители «Спринта» все еще пополняют ответами из новых инстанций папку под кодовым названием «Радость была так близка»...

Володю Соколова, круглолицего, прассирующего тридцатилетнего прораба, одолевали автовладельцы.

Володя строил белый, крупноблочный двенадцатитажный дом в теснине старых московских домов близ Садового кольца. Хозяева частных автомобилей, деликатно именуемые в прессе автолюбителями, входили в прорабский вагончик и пытались совратить честного, неиспорченного Володю, толкали его на преступный путь.

Трусоватые, с фальшивыми улыбочками, желая остаться в своих глазах порядочными, они со многими «извините, пожалуйста» спрашивали, нет ли случайно бракованных плит, списанных, «может, разбились при выгрузке, штукек восемь, хорошо бы, я бы в долгу не остался, могу даже официально внести в кассу вашего СМУ...»

А сегодня появился какой-то толстомордый, лупоглазый, в зеленом вельветовом пиджаке, с наглým стуком выставил на стол бутылку коньяка «для знакомства» и: «Слушай, браток, сделай штук десять плит, для гаража нужно — во! Называй любую цену, «Жигуль» гниет на улице, понимаешь?»

Приставания частников бесили Володю. Он не испытывал маниакального влечения к этому средству передвижения. Володя вообще не понимал радости вожделения машины, как никогда не куривший не понимает, зачем держать во рту слюнявую бумагу и наполнять легкие тошнотворным дымом. «Моторизованное мещанство», — желчно пробормотал он себе под нос, выпроводив лупоглазого с его бутылкой. И тут же из памяти выплыл человек, от которого он когда-то услышал эту фразу, — похожий на грустного матадора учитель истории в девятом классе Олег Матвеевич. С бледным зауженным лицом, прямоносенький, с черными бачками, в голубой водолазке под горло, он был по-товарищески близок с мальчишками. Было историком тогда, наверное, лет тридцать — столько же, сколько сейчас Володе Соколову.

— Я исповедую философию антибарахлизма, — говорил на уроке Олег Матвеевич. Он вообще нередко отвлекался от предмета, за это его любили. — Охота за барахлом опустошает душу. Не в тряпках и мебельных гарнитурах счастье, запомните, мои маленькие друзья. Счастье — это соучастие в добрых человеческих делах. И в близости к нашей прамамушке-природе. Сел в поезд и покати слухать песни дождей и черемух, чем здоровый живет человек. Кстати, чьи это слова? Ну, какого поэта? Не знаете? Стидо-о-бища! Есенин! Сергей Александрович Есенин. И чему вас только Лидия Николаевна учит...

И вскоре — вроде это было в мае, да, наверняка в мае — человек шесть мальчишек из их класса вместе с историком отправились на электричке куда-то далеко за город. От платформы прошли через поселок, углубились в лес и, наконец, очутились на шикарной поляне. Стали гонять в футбол. Мяч, помнится, был тяжелый, плохо надутый, малопрыгучий, но это было даже лучше — далеко не улетал. Олег Матвеевич тоже бегал, смешно семеня ногами, пытаясь вытолкнуть мяч из-под ног у мальчишек. Володе первому надоело, он повалился на землю, под молодую березу. Положил подбородок на ладони, стал разглядывать близко-близко лаковые лучики новорожденной травы. И тут к Володе медленно, с иссякающей скоростью подкатился мяч. Володя не отвел головы. Он явственно слышал, как под мячом, подминаемые его последним оборотом, прошуршали травинки, тихонько треснул жухлый, серый прошлогодний листок, и мяч замер, качнувшись, словно заснул на месте, в сантиметре от Володиного лба. От мяча пахло сапужной кожей. И тут все, приуставшие, повалились, гогоча, вокруг Володи. О чем тогда говорили на поляне, Володя не упомянул, но было удивительно хорошо и привольно, и жизнь впереди казалась полной свежих бесчетных радостей, как весенний лес — молодой листвой. Олег Матвеевич и еще трое ребят закурили. Володя это не одобрил, хотя, конечно, ничего не сказал. «Неужели бросят окурки на траву?» — думал он и уже ничего не слушал, а только ждал. Учитель расковырял пальцем дырку в земле, заснул туда окурок, присыпал землей. Остальные поступили так же. Но все равно Володе было неприятно, почему-то обидно за весеннюю, в зеленом дыму поляну.

Потом шло обратно к станции, но каким-то другим путем, переходили реку через мостик, а внизу на бережку стояли три «Москвича» с распахнутыми дверцами, рядом на подстилке загорали, выпивали и закусывали приехавшие. Орала вынесенная на травку «Спидола», серебрясь иголкой антенны. И вот тут-то Олег Матвеевич надменно фыркнул и произнес эту фразу, застрявшую у Володи в памяти: «Моторизованное мещанство». Слова эти пока-

зались тогда Володе злыми, несправедливыми, в ту пору автомобильная лихорадка еще не начиналась, на владельцев машин смотрели скорее как на фанатиков и отчасти мучеников...

В Москве на вокзале не разошлись, а поехали к Олегу Матвеевичу домой в какой-то старинный переулочек, вроде бы возле Крымского моста. Историк жил в одноэтажном домике, запомнились наличники на одном окне, вырезанные самим Олегом Матвеевичем, — были там козы морды, петушины головы, груши, танцующие скomorохи. Олег Матвеевич рассказал, что чуть не два года орудовал ножами и стамесками...

Все это было давным-давно, в детстве, а сегодня лупоглазая морда в болотном пиджаке до того взвинтила Володю своими нечестивыми домогательствами, что он и дома не мог успокоиться.

Отхлебывая перловый суп с грибами и сметаной, поданный женой Еленой, Володя пожимал плечами и гневно недоумевал:

— Какой-то автомобильный пир во время бензиновой чумы.

— А что такое?

— Да то такое, что частники замучили: продай да продай им стройматериалы для гаража. Газет люди не читают. Нефть иссякает, через десять лет бензина для частников уже не останется, их корбочки пойдут в металлолом по пять копеек кило, а они с ума сходят, гаражи строят, да еще из ворованного. Через двадцать лет на лошадаках ездить будем. Нет, я б машину не стал покупать ни за какие коврижки, даже если бы у меня были деньги.

— Ну, этот вариант нам не угрожает, — сказала Елена, ставя на стол сковороду с котлетами и жареной картошкой.

— Какой вариант?

— Ну, деньги...

— А ты что, голодаешь или голая ходишь? Тебе все мало, тебе надо, чтобы я воровал? Так и скажи.

— Нет, мне этого совсем не надо. Я только хочу сказать, что если бы у нас были большие деньги, ты бы и на «Жигули» смотрел иначе. И давно бы себе гараж отгрохал. Из бракованных плит.

— Что за наглые утверждения! — возмутился Володя и хотел добавить еще что-то резкое, но он здорово умаялся за день, а теперь еще размяк от еды и потому ничего не сказал, а обиженно завалился на тахту, взял спортивную газету, уставился в нее невидящими глазами и вдруг подумал: «А может, я отсталый?» «Нет, нет!» — сказал он себе и помотал головой, отгоняя сомнения. Однако мотание головой слабо помогало. Срочно требовалось как-то дополнительно утвердиться в правоте своего неприятия частновладельческого автомобилизма.

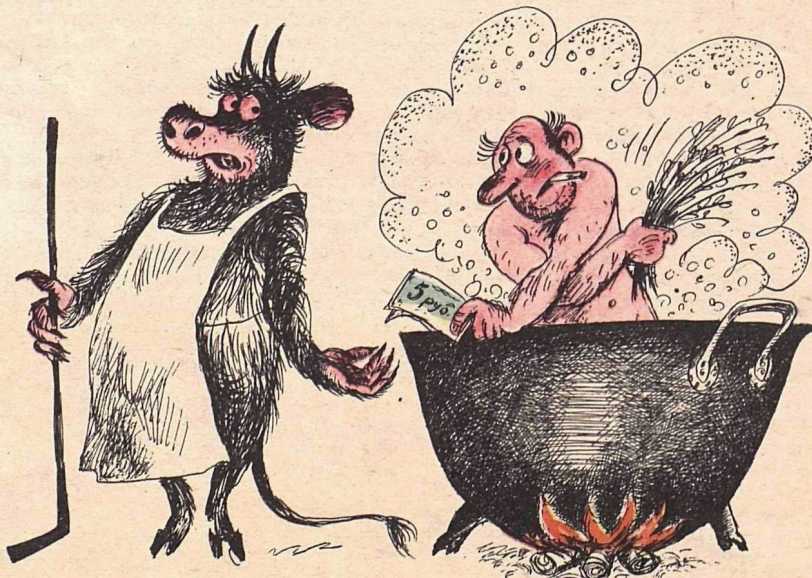
В пятницу после работы прораб Володя Соколов доехал на метро до Кропоткинской и пошел по левой стороне, заходя во все переулки: Всевожский, Лопухинский, Мансуровский...

В тихом, дремотном Мансуровском Соколов увидел справа за чугунной решеткой забора запущенный темный садик, а в нем одноэтажный дом, каким вроде бы уж и нечего делать в центре гигантского города. Не сюда ли они приехали с вокзала пятнадцать лет назад? Домик как будто тот, но окна без резных наличников. Соколов нажал белую пуговку звонка.

Дверь открыл человек в джинсовой курточке по поясницу и в затасканных брючишках того же материала. Человек жевал и, сузив глаза, чуждо, выжидательно глядел на Соколова. Некогда острый клин его матадорского лица чуть затупился, оплыл, бачки стали серенькими, но все-таки это был Олег Матвеевич, и никто другой.

— Олег Матвеевич? — полувопросил, полуподтвердил Соколов.

— Угу, — сказал Олег Матвеевич, что-то проглатывая и освобождая рот

— Сбегай за бутылкой!

для разговора. Губы и примыкающий к правому уголку губ кусок щеки лоснились.

— Не узнаете? — спросил Соколов.

Будто ставенки распахнулись на зрачках историка, а за ними открылись теплые, дружеские глаза.

— Десятый бэ, Коршунов, — сказал историк.

— Почти правильно. Соколов.

— Заходи, заходи, я же помню — пернатая фамилия...

Володя прошел в дом. На антикварном столике с гнутыми ножками стояли на газете сковорода с блинами, тарелка, масленка.

— Не желаешь ознакомиться с моими кулинарными экспериментами? — спросил историк, садясь за прерванный ужин. — Жена уехала отдыхать...

— И все блины колом?

— Только первый. Но я его съел, принял удар на себя.

— Спасибо, я сыт, — наврал Соколов.

Он сел и огляделся. У окна стоял письменный стол, на нем — пузатая папка с тетрадками и кассетный магнитофон.

— Записываем песни дождей и черемух? — спросил, живая в сторону магнитофона, Соколов — не для того, конечно, чтобы узнать, что на пленках, а чтобы напомнить учителю об их общем, дорогом...

— Какая там черемуха... — Олег Матвеевич сокрушенно махнул вилкой, прежде чем вонзить ее в очередной блин. — Не жизнь, а крысиные гонки в беличьем колесе. Дохнуть некогда, долгов — выше головы. Вон халтуры набрал — на весь уик-энд...

— Вы все в школе по-прежнему?

— Давно ушел, — сказал историк, крепко утирая губы и щеку носовым платком. — Ну уж, чаю мы с тобой попьем, тут ты не отвертишься.

— Чаю можно, — согласился Соколов.

Олег Матвеевич сходил на кухню, принес две чашки чая.

— Понимаешь, сеять разумное, доброе, вечное, конечно, почетно и необходимо. Но это немножко монотонное занятие для самого сеятеля. Каждый год одно и то же. Я перешел в издательство. Редактирую, составляю сборники, сам пишу... Это и разнообразнее, и материально интереснее, и вообще... Но мне очень приятно, что в памяти, наверное, двухсот таких пацанов, как ты, я остался учителем и, надеюсь, неплохим дядькой.

— Да, мне вы запомнились крепко. И домик ваш я нашел без адреса, по памяти. Только окна меня ввели в сомнение — вроде у вас были резные наличники — какие-то коровы, балалайки, груши? Верно?

— Ну как же, конечно, были. Пришлось продать, понимаешь, явился из музея народного творчества, пристали как с ножом к горлу — отдай да отдай в музей. А мне как раз деньги весьма нужны... Ну, а как у тебя жизнь сложилась, Соколов?

— Я инженер, строитель. Работаю прорабом на стройке.

— Ух ты! И что же ты строишь, если это не государственная тайна?

— Сейчас сооружаю обыкновенный жилой дом — двенадцатиэтажный, блочный.

— Слушай-ка, слушай! — воскликнул Олег Матвеевич, словно его осенило. Володя замер, будто сверху, с крюка подъемного крана, сорвался стеновой монолитный блок и летит прямо на него, а у него уже нет времени сообразить, куда отскочить, куда отбежать, и вот он стоит, прикрыв руками темя, в последней слабой надежде, что жуткий груз просвистит мимо.

— У тебя там, вероятно... — начал Олег Матвеевич (падающий блок уже застил полнеба), — есть бракованные... («Нет, нет, он не об этом, он мимо!») железобетонные плиты? — докончил вопрос бывший учитель. И пояснил тут же: — Я, понимаешь, вынужден строить гараж — «Жигуль» у меня гниет на открытой стоянке.

(Грохот, ухнула, дрогнула земля. «Скорою!» «Скорою!»..)

— У нас нет списанных, Олег Матвеевич, не бывает. Ну, до свидания, я пошел. Извините, что так вломился...

— Может, еще чашечку?

Соколов отрицательно помотал головой и, чуть пошатываясь, пошел к двери, не протянув руки на прощание.

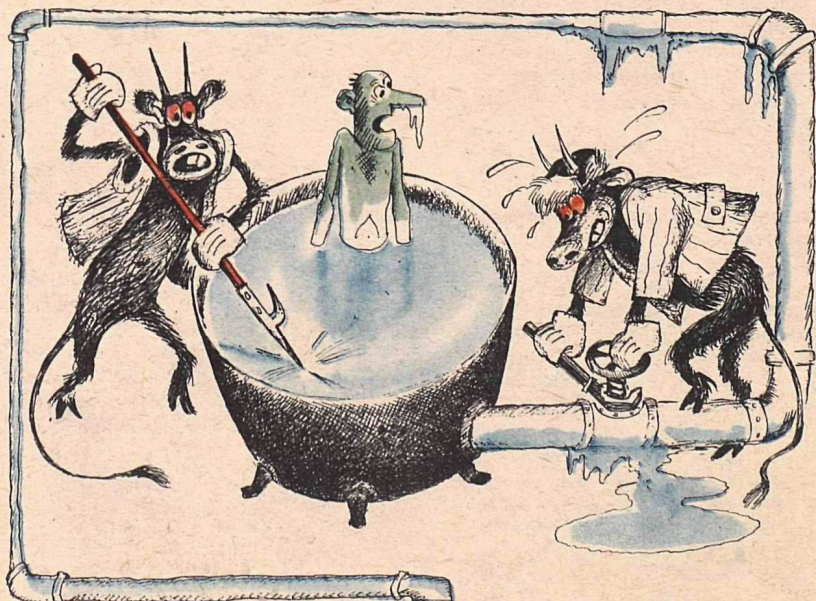
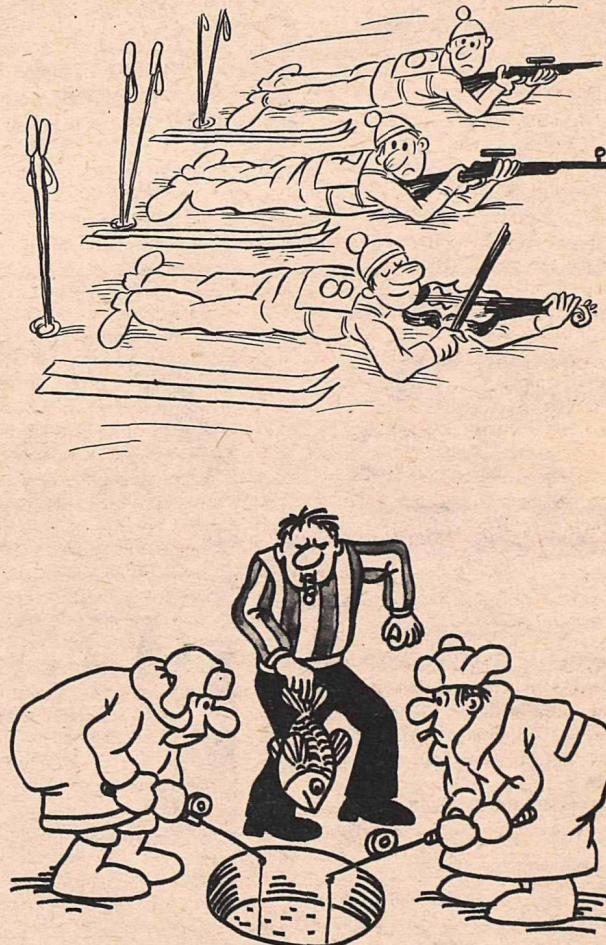
«Странный какой парень, — думал Олег Матвеевич, затворяя за ним дверь. — Наверное, поругался с женой или с начальством, поддал и пошел для утешения искать свое детство. Хотя как будто от него не пахло... Чудной...»

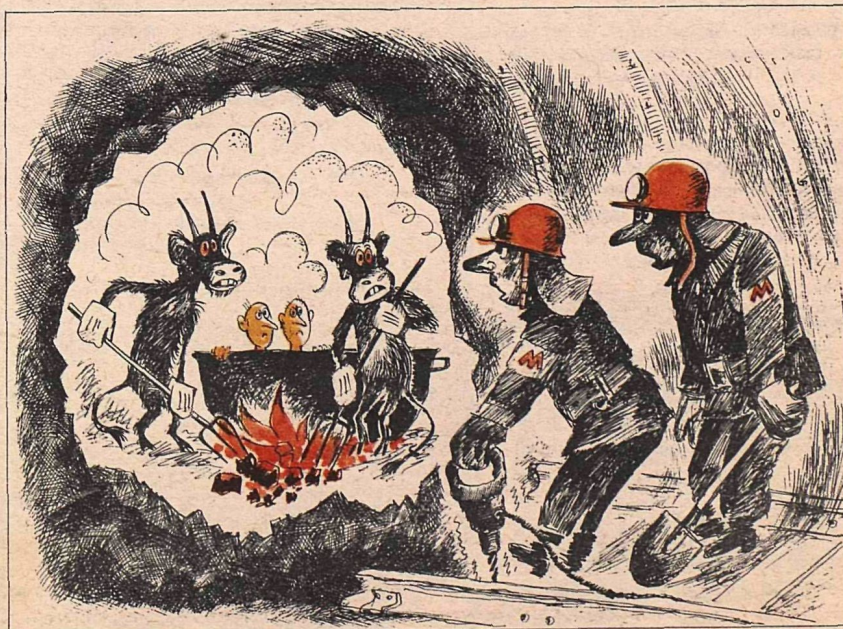
Рисуют

Е. МИЛУТКА

Г. КАРАБАЕВА

— Безобразие! Я буду жаловаться!

Георгий
СТЕФАНСКИЙ

Георгий Стефанский по профессии фотограф. А значит, выбрав натуру, он ищет неожиданный ракурс, наиболее эффектную композицию кадра. И если при этом он обнаруживает в натуре черты не совсем привлекательные и даже просто малосимпатичные, то откладывает в сторону фотоаппарат и пишет иронические или сатирические стихи... С одним из таких стихотворений мы и решили познакомить наших читателей.

Ода мачехе

Висит в квартире Золушки
Злой мачехи портрет.
Для принца и для женушки
Ценней предмета

нет.

Приняв перед реликвией
Благочестивый вид,
Невесте-внучке Золушка-
Старушка

говорит:

— Дитя!
Как я признательна
Злой мачехе моей!
Ах, если б так все матери
Растили дочерей!
Не мучились бы дуростью
Невесты в цвете лет,

Синея от безделия
И дыма сигарет.
Ночами

не балдели бы

В подъездах от тоски
И сами бы
Стирали бы
Себе

свои носки!

Нам с принцем образ мачехи
Всех образов милей.
И мы решили

памятник

Воздвигнуть
в бронзе

ей!

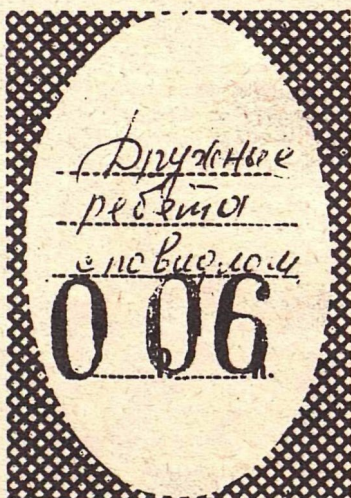
г. Минск.

Начальнику цеха от Полунина.
ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я не работал с 14 по 17 ноября 1878 г. потому, что ездил с другом в деревню Кременкуль, залезли с ним в погреб с брагой и не могли оттуда вылезти четыре дня.

Прислал Б. Карманаев,
г. Челябинск.

(Ценник в магазине).
Прислал А. Коновалов,
г. Свердловск.

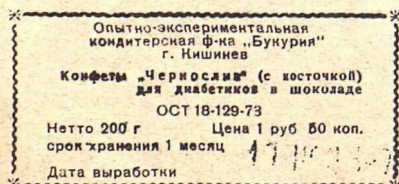
Доярка В. А. Протасова в суровых климатических условиях от каждой коровы ежегодно получает более трех тысяч километров молока.

Газета «Под знаменем Ленина»,
Таштыпский район,
Красноярского края.

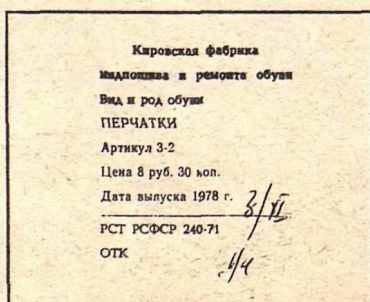
«По итогам года натуральную оплату за полученный приплод и его сохранность получили семь человек (четыре человека телят в 2-х месячном возрасте и трое телят в месячном возрасте)».

(Из акта ревизии).

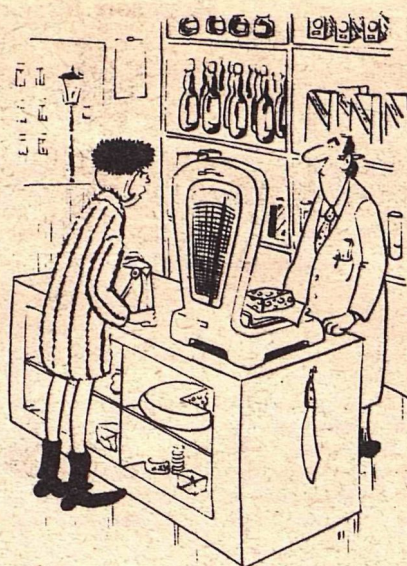
Прислала Л. Лазарева, г. Новгород.

Прислали многие читатели,
г. Кишинев.

Прислал В. Замятин, г. Киров.

— Сознайтесь, вы ведь взвешиваете сыр с дырками!

«Швейцер иллюстрирует»,
Швейцария.

Два профессора, специалисты в области ядерной физики, сидят в ресторане и оживленно беседуют. Мимо их стола проходит молоденькая эффектная женщина с хорошей фигурой. Оба ученых разом замолкают, смотря на женщину. Наконец один из них восклицает:

— Надо же, как интересно сгруппировались атомы!

— Как это получается, что в карты он всегда выигрывает, а на скачках проигрывает?

— Видимо, это объясняется тем, что он не имеет возможности тасовать лошадей.

— Более уродливого человека, чем наш новый кассир, я никогда не встречал! Косоглазый, кривоносый, лопоухий и огненно-рыжий!

— Конечно, красотой он не блещет, но зато какие у него особые приметы!

улыбки разных

Эжени ШАВЕТТ (Франция)

Несостоявшаяся свадьба

Мы не придумали этот трагический, случай. Газеты того времени много писали о нем. Мы просто излагаем факты как таковые.

...Когда праздновали помолвку, молодой человек был посажен рядом с той, которую он боготворил и которая вскоре должна была получить его имя, состояние... О, счастливые мечты, которым никогда не суждено было осуществиться. Увы! Никогда. Ни-ког-да!

Но послушайте эту маленькую, полную трагического драматизма историю...

Едва подали суп, как молодая случайно уронила ложку. Жених тут же устремился ей на помощь, чтобы поднять ложку. Но так как он был неловок, он попутно заехал локтем в глаз матери своей нареченной, перевернул тарелку с супом на костюм отца девушки, разбил два бокала, опрокинул свой стул и сам упал на грудь своей любимой, разорвав при этом ей платье до пояса.

Будучи человеком робким, жених залез под стол и не нашел в себе мужества вылезти обратно.

Все присутствовавшие, люди глубоко воспитанные, сделали вид, что ничего не произошло, и даже обращались к пустому стулу, на котором должен был сидеть жених, так, как будто он занимал свое место.

Когда подали кофе, даже самые воспитанные гости стали морщить носы: в комнате явно пахло дымом. Наконец кто-то догадался посмотреть под стол. Жениха не было! Ни его самого, ни его пиджака, ни галстука и даже брюк. От него ничего не осталось! Ни-че-го! Он сгорел от стыда!!!

Перевел Константин ВАЛЕРИ.

Из коллекции старых объявлений

(Отель «Дальтон-сити», США, 19 век)

Владельцы отеля информируют господ постояльцев, что администрация не несет никакой ответственности за их одежду, ценности и жизнь.

Господ постояльцев просят в случае перестрелки принимать меры предосторожности, чтобы не попасть в случайных лиц.

Господа постояльцы несут личную ответственность за мебель, зеркала и посуду, разбитые при разговоре.

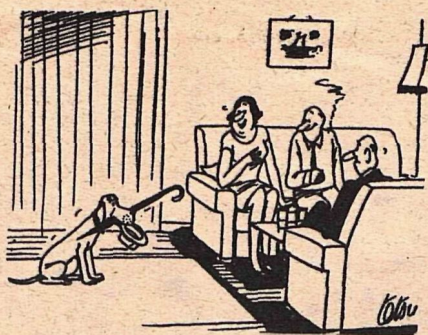
Господа постояльцы могут застраховать свою жизнь на все время пребывания в гостинице.

Администрация отеля похоронит постояльцев не оплачивая.

Администрация не принимает жалоб на обслуживание. Все наши портье вооружены, и господа постояльцы могут объясниться непосредственно с ними.

Каждую субботу администрация дает бал. Вход босиком запрещен.

— Не обращайтесь на нее внимания. Она всегда так делает, когда гости засиживаются.

«Жур де Франс», Франция.

Продавец. К сожалению, мадам, у нас сегодня только вот такие маленькие яички.

Покупательница. Почему же вы не пошлете их обратно на ферму, чтобы куры посидели на них еще немножко?

широт

— Джон, позволь выразить тебе соболезнование. Я слышал, что господь взял твою третью жену...

— Да, а я взял себе четвертую.

«Нью-Йоркер», США.

— Вопросы, вопросы! Сами-то вы хоть что-нибудь знаете?

«Дейли миррор», Англия.

Индрих БЕШТА (Чехословакия)

Уа, уа-а-а!

У Топинков родился ребенок. Не ребенок — богатырь! Все у него было на месте: носик, глазки, ручки, ножки, мама, братик, даже дедушка. Не было только отца. Но маленький Томаш — так назвали младенца — никакого внимания на семейный недокомплект не обращал и победоносно орал с утра до вечера и с вечера до утра.

— Этого не может быть, — сказал брат Томаша Петр, который учился уже в третьем классе, — человек не может орать круглые сутки. Закон сохранения энергии...

— Петр, — отвечал дедушка, — я не знаю, что вы там учитесь в школе, не знаю я ваших там законов и что в них сохраняется, но я знаю, что Томаш не только орет круглые сутки, но при этом еще и здоровается. Посмотри, какие у него щеки. Эх, Мария, Мария... — Что именно дед хотел сказать о своей дочери внуку, он не разъяснил, потому что боялся ее пуще огня.

Шли дни. Томаш смотрел в потолок прозрачными младенческими глазами и оглашал квартиру зычными криками. Кричал он легко и непринужденно, почти не напрягаясь.

— Профессионал, — сказал, кивнув на брата, Петр.

— Главное, у него очень насыщенный тренировочный цикл, — подтвердил дедушка.

В этот момент Томашек испустил особенно пронзительный вопль, и за стеной послышался стон.

— Это пани Майорова, — сказал Петр. — Вчера на лестнице она мне сказала, что дала объявление об обмене. Из-за Томашека. Готова, говорит, на все. На большую, меньшую, в городе, деревне, на Северном полюсе, Южном — все, говорит, равно.

— Может, она с нами сменяется? — сказал дедушка.

— Эх, дедушка, дедушка, где твоя логика? — укоризненно покачал головой Петр. — Какая ж ей разница, с какой стороны слышать крики Томашека?

Через две недели дедушка сообщил внуку, что соседи слева обивают стены войлоком, а сверху решили постелить ковер.

— Не поможет, — уверенно сказал Петр. — Войлок Томашеку не помеха. Вот разве что метровый слой бетона... Закон сохранения энергии!

Томашек кричал. Трижды Мария носила его в детскую консультацию и трижды ей говорили, что здоровей ребенка они не помнят. А кричит он потому, что ему так хочется.

Ему это, может быть, и хотелось, но и мать, и дедушка, и брат начали сдавать на глазах. Бессонные ночи даром не проходили. Были испробованы все методы: от соски, которую Томашек презрительно выплевывал,

до ношения на руках, на чем настаивал дедушка. Он брал Томашека, прижимал его к груди и носил по комнате, пытаясь петь ему песни своей молодости. Песни, очевидно, прибавляли Томашеку силы, потому что он начинал кричать особенно громко.

Мать в те редкие минуты, когда дедушка допускал ее до сына, пыталась кормить его, но и это древнее средство не помогало. На несколько минут Томашек затихал и превращался в доильный вакуумный аппарат, а насытившись, принимался за свое.

Однажды, не вытерпев, Петр нагнулся над братом и начал, в свою очередь, орать, передразнивая его. Да так ловко, так похоже, что младенец изумился, замолчал и начал всматриваться в старшего брата.

— Эврика! — заорал Петр.

— Что, что? — переспросил дед из кухни.

— Эврика, говорю! — крикнул Петр. — Деньги у тебя есть?

При слове «деньги» дед попытался изобразить глухоту, но Петр знал дедушкины финты наизусть. Через час дедушкино сопротивление стало ослабевать, а через два они уже шли в магазин радиотоваров. Магнитофон они купили не самый дорогой, но зато голосистый. А еще через час они уже записывали на пленку крики Томашека.

— Дедушка, — сказал дрожащим голосом Петр, — внимание! Мы присутствуем при эпохальном эксперименте. Тишина! Включаем пленку!

Магнитофон исправно заорал Томашиным голосом. Младенец по инерции покричал с минуту в унисон, потом замолчал, недоуменно моргая.

— Будем вырабатывать условный рефлекс, — сказал Петр, — понял, дед?

Самое удивительное, что Петр оказался прав. Несколько дней Томашек соревновался с магнитофоном, потом сдался, и в квартире наступила неестественная космическая тишина. Соседи наперебой звонили и испуганно спрашивали, что случилось. Дед и внук загадочно улыбались, соседи же подозрительно покачивали головами и уходили.

Наконец пришел полицейский. Вежливо поздоровавшись, он осведомился, где дети и почему они молчат.

— Дети? — в свою очередь, спросил дедушка. — Какие дети? У нас только один. Второй вон, — он кивнул на Петра, — давно вырос.

— Не отвлекайте меня от выполнения служебных обязанностей. Есть сведения, что в этой квартире было два младенца, которые исчезли при загадочных обстоятельствах...

Дед и внук начали смеяться, а потом к ним присоединился и Томашек. Смеялся он первый раз в жизни.

Перевела Л. ИВАНОВА.

Слова, слова...

Легко держать себя в определенных границах, если они охраняются.

Руди Миль, австрийский философ.

Собственное мнение — личное дело каждого человека.

Шумерская пословица.

Как трудно бывает ревизору стукнуть кулаком по столу, заставленному коньяком!

Фольклор ревизоров острова Пасхи.

Не верь тем, кто поддается твоему обману.

Не ложись в открытую дверь, подожди, пока ее закроют.

Из книги американского социолога М. Гена «Сто советов, полезных в хозяйстве»

КРОКОДИЛ

№ 5 (2267)

Февраль

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Е. Гуров, Кук-рынинский, В. Меджибовский, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, Р. Самойлов, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455

Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)

Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)

И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

Рукописи не возвращаются.

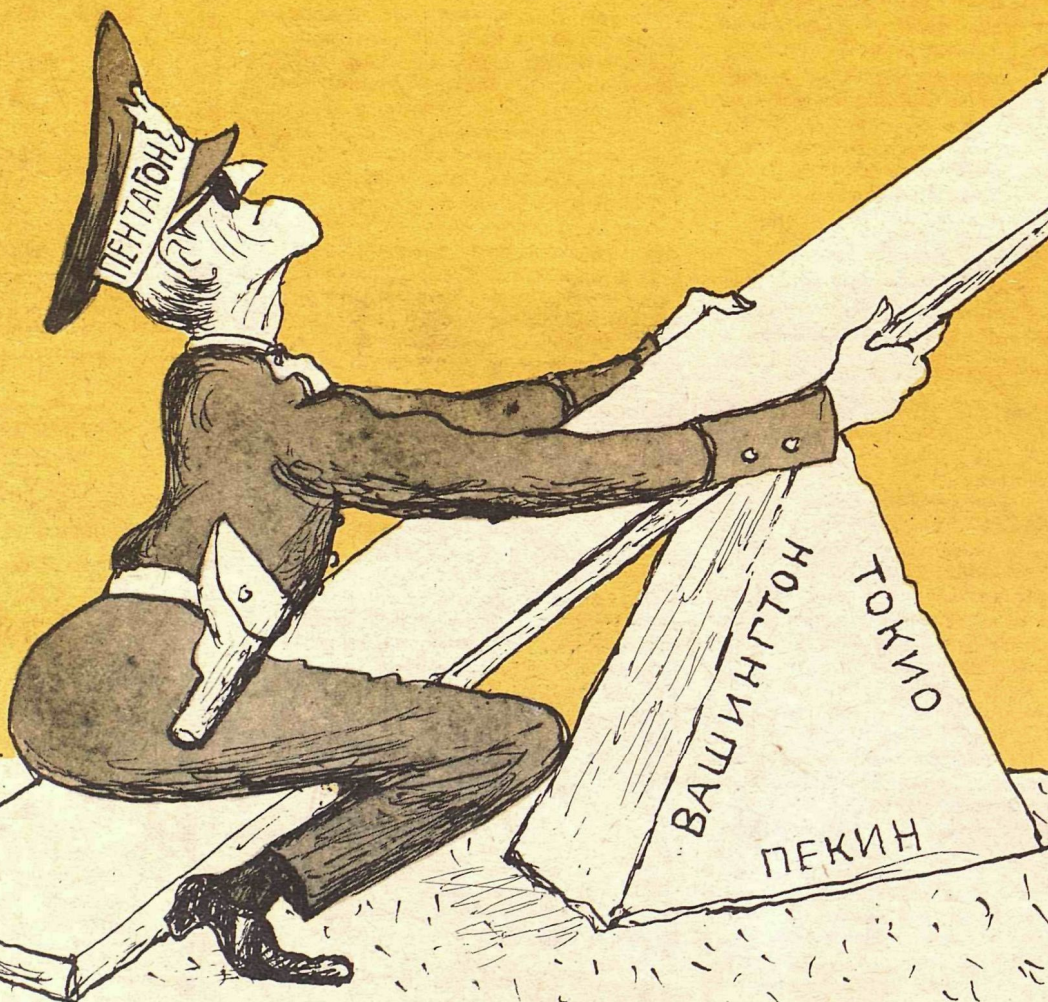
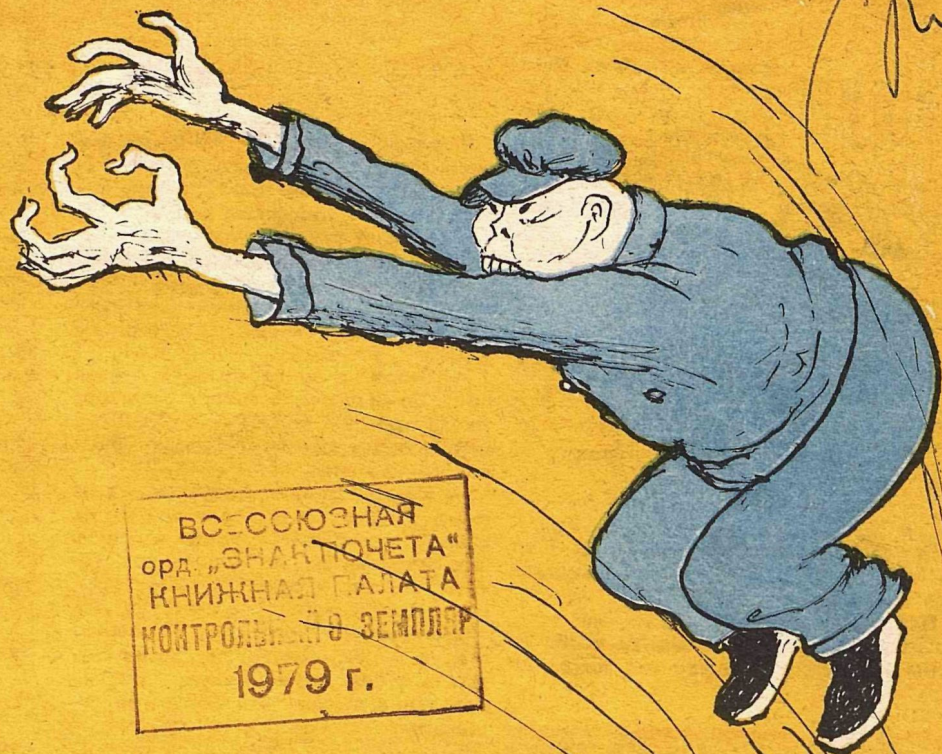
Сдано в набор 17.01.79.
Подписано к печати 25.01.79.
А 07808. Формат бумаги
70х108/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л.
4,54. Тираж 5 800 000 экз.
(1-й завод: 1—3 589 450).
Изд. № 289. Заказ № 74.
© Издательство «Правда».
«Крокодил». 1979 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865,
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Инициаторы создания военного треугольника Вашингтон — Пекин — Токио намерены снабдить натовским оружием Китай, чтобы сделать его главной ударной силой против Советского Союза на Дальнем Востоке.

MADE IN NATO

ВССОЮЗНАЯ
орд. „ЗНАКПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ В ЗЕМПЛА
1979 г.

КУКРЫНИКСЫ 79.

ОПАСНЫЙ НОМЕР

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448

Цена номера 20 коп.